

18+

Петр Илюшкин

Страшная граница 2000

Часть 1

Петр Илюшкин

Страшная граница 2000. Часть 1

«Издательские решения»

Илюшкин П.

Страшная граница 2000. Часть 1 / П. Илюшкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518127-5

Страшная правда о состоянии границы РФ в 2000 году: расстрелы солдатами своих сослуживцев, воровство и махинации, хамство командования... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-518127-5

© Илюшкин П.
© Издательские решения

Содержание

СТРАШНАЯ ГРАНИЦА-2000	6
Часть первая	7
глава 2	19
ЗОЛОТО ЧЕЧЕНСКОГО РЫЦАРЯ	19
ЗУЛЬФАГАР	28
Полковник «в законе»	32
ЗАКОЛДОВАННАЯ ОБЩАГА	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Страшная граница 2000

Часть 1

Петр Илюшкин

© Петр Илюшкин, 2024

ISBN 978-5-0051-8127-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-8128-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТРАШНАЯ ГРАНИЦА-2000

Часть первая

Вступление

«Довольно людей кормили сладостями;
у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства,
едкие истины».

М. Ю. Лермонтов

«Герой нашего времени»

Редактор газеты «Старгопольский меридиан» Владимир Шарков достал из сейфа связку тетрадей и протянул мне:

– Время «Ч»! Я обещал 20 лет хранить и не заглядывать. А глянуть очень хотелось! Это – дневники моего друга, военного журналиста Петра Ильина. Мы с ним хорошо покуролесили в 2000-м году. Тыловики прозвали его «мятежным корреспондентом». Очень злились на него. Много он кровушки их тыловой попил! А они ему разные «подставы» делали. В конце концов перевели в спецназ, воевать. Да! Вот еще что. Петро искал Героя нашего времени. Ты посмотри в его дневниках. Может, нашел он такого героя.

Шарков похлопал по тетрадям:

– Ты, как молодой журналист, почитай. Поймешь, как надо проводить журналистские расследования. Можешь публиковать. Петро разрешил. Он уехал в Германию лечить сынишку от церебрального паралича. Некогда ему заниматься дневниками. Но будет рад, если страшная правда выплывет наружу.

Редактор меня озадачил. Честно говоря, поначалу я скис. Какие-то пыльные дневники времен Очакова и покоренья Крыма меня совсем не интересовали. Но когда я вчитался в дневники, то прямо ахнул. Простой русский офицер честно рассказывал правду, которую прятала от народа официальная пропаганда.

Часть первая

глава 1

Бой в развалинах Омечу

23 февраля 2000 года. Аргунское ущелье Чечни. Разведпоисковая группа Игум-Калинского погранотряда осторожно подходит к развалинам села Омечу.

Впереди с ручным пулеметом – старшина Птицын.

Я – чуть сзади. За мной – два бойца. Еще четверо разведчиков обходят развалины с другой стороны. Невдалеке медленно кралась вторая наша группа. Численность – пять «штыков».

Внутри развалин слышен смех и говор. Над стенами плывет аппетитный сизый дым костра.

«Чабаны из местных?» – думаю я. Но почему в груди поднимается тревожная волна, и сердце тарабанит? Что чувствует моя душа? Предчувствие беды? Обычно такое тревожное ощущение опасности у меня всегда возникает заранее, как предвестник смертельной опасности. Но здесь – какая опасность? Чабаны и есть чабаны. Сейчас чаем угостят.

Осторожно заглянув в проем окна, беззвучно матюкнулся.

Вокруг костра – бородачи, одетые в камуфляж. Сидели они на корточках. Разговаривали, смеялись. Рядом, в аккуратной пирамиде – автоматы и пулеметы.

«Восемь!» – мгновенно просчитал я количество боевиков.

– Стоять! Ни с места! – заорал Птицын, направив на бородачей ствол. И передернул затвор пулемета.

Бородачи замерли. Осторожно повернули головы. Клацание затвора – явный признак опасности. А они – без оружия! Автоматы и пулеметы – в пирамиде.

– Стоять! Ни с места! – резко повторил Птицын. И опять, от сильного волнения, пере-дернул затвор.

«Бл..дь! Заклинит же!» – матюкнулся я тихо.

Двое бородачей поднялись и медленно подняли руки.

Но встали они так, чтобы закрыть собой остальных. При этом начали говорить на незна-комом для нас языке.

– Арабы! – крикнул Птицын. – Осторожно! Автоматы! Пирамида!

Тут же раздался характерный металлический лязг. Нет, не из развалин. Где-то рядом!

Инстинктивно я повернул дуло автомата в сторону, откуда шел звук. На взгорке сто-яли, направив автоматы на Птицына, два рослых бородача. Они и передергивали затворы. Под ногами у них лежала большая говяжья нога. Видимо, на обед тащили.

Птицын увидел их и опустил ствол.

«Бл..дь! Щас из восьми стволов шарахнут!» – матюкнулся я про себя. И повернул автомат внутрь развалин.

Бородачи смотрели на меня, не опуская рук.

Немая сцена! И боевики не стреляли, и мы! У каждого в голове одинаковая мысль, только на разных языках: «Стрелять – не стрелять?!»

И тут вмешался его величество случай!

Внезапно тишину Аргунского ущелья расколола автоматная очередь. Затем – другая! Похоже, вторая наша группа вступила в бой.

Краем глаза я увидел, как занервничал Птицын. Он нажал на спусковой крючок. Один раз, второй. Выстрела нет!

Боевики не растерялись. Очереди мгновенно прошили старшину!

Ну а мне повезло! От смерти меня спас Птицын, закрыв от свинца.

Мгновенно я бросился на землю, перекатился в сторону. И открыл огонь.

Боевики упали. Судя по крикам, ранены!

Но восемь бородачей уже схватили автоматы и выскочили из развалин. Действовали они абсолютно правильно, как учит тактика горной войны: ринулись вверх по ущелью, занимая господствующую высоту.

Укрывшись за стволами вековых деревьев, тут же открыли шквальный огонь. Эхо уще-лья множило раскаты боя: грохот пулеметных, автоматных очередей, гортанные крики «Алла Акбар!»

Мы с двумя бойцами запрыгнули в развалины. На доли секунд выглядывая из оконных проемов, открыли огонь.

Но боевики оказались опытными стрелками.

Вскрикнув, рядом со мной упал прапорщик Морозов. Кровь заливала его лицо. А он не вытирал ее. Лежал недвижим.

Его однофамилец, рядовой Морозов, метнулся к прапорщику. И крикнул:

– Убит!

И тут же сам уронил автомат. Пуля попала прямо в голову. –Снайпер! – рыкнул я, как будто пытаюсь предупредить бойца.

Выглядывая из-за дверного проема, я пытался рассчитать траекторию снайперской пули, чтобы вычислить самого этого снайпера. Укрывшись за стеной, я менял магазин автомата и думал:

«Судьба, бл..дь! Полчаса назад разговаривал с двумя Морозовыми. Живыми! И шутил. Кадровики погранотряда специально набирают Морозовых в одно подразделение».

И вспоминал декабрь 1999 года, самое начало высадки в Аргунское ущелье пограничного десанта. Странный был случай! Ночью боевики из миномета обстреляли лагерь «Бастыхы». Погиб всего один боец. Как фамилия? Ну ясен пень, Морозов!

И вот опять – Морозов! Убит. По крайней мере, признаков жизни не подает. А подползти и проверить нет возможности: пули прошивают глиняный пол совсем рядом. Надо крутиться!

Перекатами я резко менял позицию. И стрелял, стрелял короткими очередями! Благо автомат, который дал мне эНШа отряда Фархутдинов, имел вместительные магазины от ручного пулемета.

«Где те восемь, которые отсюда ушли?» – думал я, поглядывая на развороченное пулями кострище.

И услышал левее по склону автоматные очереди. Много очередей! Правый склон также трещал от автоматного и пулеметного огня. Опять грозные крики: «Аллаху Акбар!»

– Бл..ть! – выругался я. – С двух сторон бьют! Сверху бьют! Не уйти теперь!

Из соседних развалин слышались автоматные очереди. Это отстреливалась другая часть наших. Там был командир группы капитан Усачев. Сквозь стрекот очередей слышался его крик:

– Есть «трехсотые»! «Двухсотые»! Что?! Нет! Нет! Огонь очень плотный! Отойти не могу!

Очевидно, по радиостанцию ему приказали немедленно отходить. Но плотный огонь не давал даже высунуться из-за укрытия.

Меня магазин автомата, я бросил взгляд в боковое окно.

Из развалин выскочил солдат. Но тут же упал, сраженный очередью. И сразу вокруг начали рваться гранаты. Боевики методично расстреливали развалины из подствольных гранатометов.

– Пи..дец! Уходить надо! – крикнул я в сторону соседних развалин. И тут же мой голос утонул в стрекоте автоматных очередей и гулких разрывах гранат.

«Похоже, Миша Часткин не может к нам пробиться! – понял я. – Вот и приказал уходить! Но мы – под прицелом! Как уходить?»

Выглянул в разбитые окна:

– Б..дь! Лысая местность! Как в тире пристрелят!

Не успел я пригнуться, как пули впились в глину развалин совсем рядом. Затем – мощный взрыв.

«Огнемёт! «Шмель!» – мелькнуло в голове. И сразу – темнота, тишина.

Очнулся я от громкого голоса. Рыжебородый боевик держал в руках мое удостоверение личности и читал:

– Подполковник Ильин. Корреспондент. Консорциум «Граница». Че он тут делает?

Заметив, что я открыл глаза, рыжий спросил:

– Ильин! Маршалла ду хьобга! Ты – корреспондент? Или ФээСБэшник с «корочками» прессы?

Я поморщился. Боль в голове – сильнейшая! В ушах – шум. Перед глазами – туман. Рук не чувствую.

Никак не соображу, где я. Что со мной?

Попытался пошевелиться. Ага! Руки связаны за спиной.

Начал было говорить, но кроме буквы «К» ничего не получилось:

– К-к-к.

Что-то мешало говорить. Я медленно вдохнул и выдохнул, пошевелил губами. Точно, контузия! И ответил:

– Д-да, корр-респондент.

Рыжебородый пристально посмотрел на меня:

– Почему по-чеченски не отвечаешь? Маршалла ду хьобга!

С трудом повернув голову, я ответил:

– Маршалла ду хьобга! Здравствуй!

– Ну вот, порядок!

Он повернулся к боевику, держащему наготове пулемет:

– Наш человек! А ты хотел расстрелять! Читай, чо там в документе!

Стоящий рядом боевик раскрыл зеленую книжечку и медленно, по складам, прочитал:

– Ватана болан сейгюси учин медали.

Рыжебородый перевел с турецкого:

– Это медаль «За любовь к Родине»! Ильина наградил Президент Турции!

Он посмотрел на меня и спросил:

– Петро! Ты в Волгограде, в железнодорожном интернате, учился?

– Да, учился.

– Ну вот! Помнишь пацанов из Чечни?

– Да. Много пацанов было. И дагестанцев, ингушей. Помню.

Рыжебородый улыбнулся:

– Память у меня хорошая! Помню тебя! Ты изменился, а голос – такой же!

Сквозь головную боль я пытался вспомнить голос рыжего: «Что-то знакомое! Кто это?»

И вспомнил:

– Ты – Вахид? Сейчас вспомню. Ш-ш-ш. Шишханов! А старшего брата звали Ваха?

– Вспомнил, молодец!

Я посмотрел на руки рыжего:

– Кулаки у тебя и тогда были с тыкву. А теперь – и того больше!

Вахид засмеялся, сжал кулаки и вытянул перед собой:

– Бокс! Тренировки помогли! Помнишь, как вместе мы боксовали? Ты – слабее, но вертелся как оса! Не попасть! И неожиданно бил сбоку. Не больно. Но злил! Помнишь, как я злился?

– Помню, конечно!

Вахид задумался:

– Что делать будем, друг Ильин?

Стоящий рядом боевик злобно смотрел на меня. Ткнул ствол автомата мне в грудь:

– Расстрелять! ФээСБэшник!

– Нэт! В Старгополе мой друг живет. Он рассказывал, что есть такой корреспондент. Петр Ильин. Подполковник. ФээСБэшники его очень не любят. Особенно тыловики. Назвали мятежным корреспондентом.

– Может, другой!

– Нэт! По голосу узнаю Ильина. Друг говорил, что нормальный человек он. И хотел помочь нашему. У него сына ФээСБэшники расстреляли, прямо в доме. Отец хотел найти правду, к адвокату пошел. Адвокат советовал к Ильину идти. Но потом отцу сказали, что шум поднимать не надо. Хуже будет.

Вахид похлопал меня по плечу:

– Точно? Называют тебя мятежным?

– Называют. И отец тот подходил. Я хотел помочь. Очень тяжелый случай. Приехали в село, вызвали парня. Прямо с порога расстреляли! Отец пытался разобраться. Но потом позвонил мне. Сказал, не надо помогать. Смысла нет. Правды нет.

Вахид покачал головой:

– Да, правды у вас нет! Ну ладно, потом поговорим. Стрелять тебя не будем! Мы тоже мятежные люди! Как сказал один мудрый человек – «Мы одной крови»! Будешь нашим гостем!

В это время подбежали разгоряченные сражением боевики. Доложили, что живых пограничников не осталось. Надо уходить.

Вахид приказал бородачам развязать меня:

– Ваши убежали. Бросили убитых. Мы не пустили вторую группу, на помощь шла. Там – человек семьдесят. Не смогли они подойти!

Он опять похлопал меня по плечу:

– Ты, Петро, один остался! Наши увидели твои погоны, думали, командира части в плен взяли. Радовались. Говорили, денег много дадут, чтобы выкупить. А за тебя, мятежного корреспондента, денег не дадут! Наоборот, скажут, чтоб расстреляли! Точно!

Он приказал что-то своим. Видимо, быстро уходить, пока вертолеты не прилетели. И повернулся ко мне:

– Извини! Завяжем глаза! Чтоб не видел, куда мы идем. Без обид! Война есть война! Сам идти можешь? Как голова? Контузия!

– Что это было! «Шмель»?

– Нет. Это эРПэГэ так шарахнул! Тебе повезло. Осколками даже не задело! Осколки солдату попали. Он перед тобой лежал. Всего порезало!

«Эх, Морозов! Спасибо за спасение!» – подумал я.

И мы куда-то побежали, петляя по узкой тропе. Я то и дело спотыкался, пока не приспособился чувствовать дорогу наощупь.

Через час – остановка. Послышались голоса. Мы протиснулись в узкую пещеру. Там мне развязали глаза:

– Без обид! Пока здесь будешь! На всякий случай. Если ваши начнут бомбить, тебя выставим. Может, на наших обменяем! Сейчас еду принесут!

Привыкнув к темноте, я огляделся. Ого! Да здесь – настоящие хоромы! Не царские, конечно. Скорее, блиндажно-фронтовые. Из досок сделан добротный топчан. Сверху – матрац, одеяло. Не замерзнем!

Сбоку краснелась раскаленная печка – «буржуйка». Рядом – дрова. На столе, сделанном из ящичков из-под снарядов – кружки, тарелки, ложки. Керосиновая лампа освещала всю комнату.

Ого! Даже пресса имеется, как в номере-люкс!

Взял одну газету, прочел: «Ичкерия».

– Свежая! – удивился я. – Август 2000 года! Любопытно! Что пишут-то? Так. Хроника. Странно, что на русском языке! Что там у них?

«31. 07. 2000 года бойцами спецподразделения Чеченской Армии был подорван военный автомобиль «Урал». По сведениям представителя Главного Штаба ЧРИ в результате успешно проведенной спецоперации были убиты 5 российских солдат и офицеров, ранено 8.

1. 08. 2000 г. Бойцами спецподразделения Чеченской Армии подорван милицейский автомобиль «УАЗ».

Я развернул газету и удивился:

– Даже аналитика есть! Заголовок прямо-таки философский: «В чем же слабость чеченцев?»

Интересный вопрос! Но почему он возник? В связи с чем? Читаем дальше: «В безуспешной попытке покорить чеченский народ российские «мудрецы» продолжают искать ответ на вопрос – «В чем же слабость чеченцев?»

Я отложил газету и задумался:

«Да уж! Вопрос правильно ставят! Но! Чего «но»? Ага, понял! Точно такой же вопрос надо ставить и нам, русским! Даже не так! Вопрос такой надо ставить только русским. В советское время именно русские показали свою слабость. Какую-то невероятную, ужасающую слабость!

Армейская «дедовщина» именно на такой слабости и трусости базировалась. Когда трое извращенцев строили в ночной казарме целую сотню солдат, и садистски избивали всю эту роту.

Как это понять? Ведь вся рота могла навалиться на истязателей, и просто своей массой затоптать. Не затоптала!

Всех накрыло ужасом и страхом. Молча падали от ударов, вытирали кровь. И так – по всему Советскому Союзу. Причем истязатели – не только из Дагестана или другой горной части, но и свои единокровные русские!

Так в чем слабость русских?

От размышлений меня отвлек лязг засова. Дверь со скрипом раскрылась, и впустила бородача с автоматом. Следом заплыл ароматный дух и большая тарелка с бараньим супом. Наверное, рядом была основная пещера, хорошо обустроенная. С кухней.

Суп меня согрел и разморил. Улегшись на топчан, я начал вспоминать весь этот несчастный день.

Беды ничто не предвещало! Задача была самая обыденная: провести разведпоисковые действия в районе развалин Омечу.

Место это, расположенное в нескольких километрах ниже селения Ведучи в одном из отрогов Аргунского ущелья, планировалось использовать для выставления пограничной заставы.

Старшим назначили моего давнего друга, офицера штаба округа подполковника Михаила Часткина. Опытный офицер, прошедший еще ту, афганскую войну. Так что помнил свою горную войну.

Я тоже решил вспомнить боевую молодость, в том числе афганскую.

Рано утром группу спецразведки Итум-Калинского погранотряда подняли и объявили пятиминутную готовность.

Быстро собрались, взяв по четыре БэКа (боекомплекта).

Меня снабдил своим личным автоматом (с магазинами от пулемета) начальник штаба отряда полковник Николай Фархутдинов:

– Калибр 7. 62! Как эРПэКа! Ну, пресса, с Богом!

Честно говоря, именно Фархутдинов и вызвал меня из Старгополя. Условные слова: «Шу ерде ягыш ягяр!» (с тукменского это – «здесь идет дождь»). Для меня сигнал, что намечается что-то интересное. Ранее мы договорились – без меня не начинать.

Что дальше? Без всякого завтрака мы начали движение.

Из Тусхароя, базы погранотряда, мы пустились вниз, на соседнюю заставу. Там уже ждали коллеги из Черкесского погранотряда. Чуть позже подошли группы спецразведки забайкальской резервной заставы.

Вооружение – ручные пулеметы Калашникова, гранатометы «Муха», автоматы с подствольниками, снайперские винтовки. Ну и, конечно, по 4 боекомплекта на брата. К бою готовы!

Затем – затяжной двухчасовой подъем к заставе «Ведучи». Для солдат, привыкших к службе в горах – это «семечки».

Когда проходили село Ведучи, безлюдное и пустынное, чувствовали какое-то враждебное молчаливое предупреждение. Очевидно, нас незаметно «пасли».

Вздохнули только тогда, когда проскочили затаившееся безлюдное Ведучи. Потом – дорога вниз, к реке. Начиналось ущелье.

Часткин приказал залечь и занять круговую оборону. Еще раз уточнил задачу, порядок движения к развалинам Омечу, систему связи.

Ущелье было глубоким. По обе стороны поднимались крутые скалы: левый склон – совершенно голый, правый кое-где покрыт чахлым кустарником. Для нападающих это плохо, не спрячешься. И для разведчиков – плохо, не укрыться в случае обстрела.

По дну ущелья громыхла неглубокая, но бурная речушка Хачарой. Вдоль ее берегов, по обе стороны ущелья, мы и пошли. Прикрывал нас боевой дозор забайкальцев.

Шли очень осторожно, прислушиваясь и приглядываясь.

В густых зарослях кустарника обнаружили мастерски замаскированную «автостоянку». Причем машины были новехонькие – и «Волга», и «Жигули», и «УАЗики», и пара «Мерседесов», и даже пожарная «шишига» (ГАЗ-66). Госномеров не было. Только «Волга» имела желтый номер 37-го региона.

Хозяев всего этого богатства поблизости, естественно, не оказалось. Но земля вокруг была сильно истоптана. Следы вели к реке, через которую чья-то заботливая рука перебросила бревно с насечками. Возле одной машины в землю уходил узкий лаз.

В него и бросили гранату. Тишина! Но дым указал направление выхода – к ручью. А там чернело большое кострище двухдневной давности.

Все это сильно насторожило Часткина, помнящего войну в Афганистане. Поэтому, приблизившись на расстояние километра к развалинам Омечу, группы разведчиков залегли и заняли оборону.

Долго наблюдали в бинокли. В районе развалин Омечу – все спокойно! И голодные разведчики, что называется, взроптали.

Какого, мол, хрена туда тащиться, ноги бить? И так все ясно. Лучше пообедать – вместо пропущенного в отряде завтрака!

Часткин наморщил было лоб. Но принял соломоново решение. Да, обедать. Но одновременно – осмотреть развалины:

– Капитан Усачев! Бери двенадцать бойцов! Осмотреть развалины!

И вопросительно посмотрел на меня:

– Тринадцатым пойдешь?

– Конечно, пойду! Ведь поселок тот, Омечу, был репрессирован Сталиным ровно сегодня, 23 февраля. Лет пятьдесят назад. Операция ЭНКаВЭДэ называлась «Чечевица». В 1944 году чеченцев депортировали. За один день всех собрали, погрузили в эшелоны, да угнали в Сибирь и Казахстан.

– 56 лет назад это было! – уточнил Часткин. – Да, интересно! И у нас тут – операция, только не «Чечевица»! Ты-то не боишься таких совпадений, да еще с числом «13»?

– Нет, не боюсь! Меня дед мой, Петро, заговорил от всяческих бед. Он и сам был заговоренный! Когда брали в 1943 году Ростов-на-Дону, снаряд попал прямо в их группу. И что? Всех убило, у моего же деда – ни царапины!

Часткин улыбнулся:

– Может, из Афгана тебя выперли тоже для того, чтоб не убило?

Я тоже улыбнулся. Тогда, в 1987 году, меня направили в Афган командиром саперного взвода ММГ (мотоманевренной группы). И надо такому случиться, солдаты мои передрались, открыли огонь. Всех отправили в Ашхабад, в стройбат, на перевоспитание. И меня – туда же!

Часткин это знал. Тогда он был на соседней заставе.

Поэтому сейчас и улыбался.

Поднявшись на пригорок, мы увидели развалины строений.

Стоп! Над развалинами струился дымок! Может, чабаны?

Усачев долго наблюдал в бинокль. Опустив его, тихо сказал:

– Из развалин вышли трое! Пошли вверх по склону. Кто такие, не видно. Может, чабаны. Может, местные из Ведучи. Дрова собирают. Надо доложить!

Радиостанция похрипела и приказала возвращаться. Похоже, Мише Часткину проблемы были не нужны.

Но Усачев решил все-таки подойти поближе:

– Прапорщик Чернов! Будем заходить с двух сторон! Бери шесть человек. Пойдете слева. Справа я пойду!

Мы осторожно подкрались к домишкам. Точнее, глиняным стенам бывших домишек. Откуда-то слышался стук топора. Этот стук позволил подойти незаметно и заглянуть внутрь.

Ну а потом Птицын и увидел боевиков. Только вот сплеховал! От неожиданности и волнения зря передергивал затвор! Надо было немедленно открывать огонь! Но теперь-то чего сожалеть!

Размышления мои прервал лягз засова. Это пришел Вахид. За ним вошел рослый боевик с автоматом, принес шашлык, лепешки, горячий чай.

– Не обижаешься? Извини! Придется тебе одному сидеть. – обратился ко мне Вахид. – Мои бойцы требуют расстрелять тебя! Знаешь про Новые Алды? Это пригород Грозного.

– Нет. А что там?

Глаза Вахида налились кровью:

– Ваши федералы расстреляли там женщин, стриков, детей! 5 февраля пришли и расстреляли! Безоружных, беззащитных! Тот боец, который требовал тебя расстрелять, оттуда родом. Всю его семью расстреляли! Так что тебе повезло, что я здесь. Не то расстреляли бы тебя! И правильно сделали!

Вахид зыркнул из-под нахмуренных бровей:

– Не веришь, что ваши расстреляли мирных жителей? Сейчас принесу фотографии!

Он вышел. Принес фото с изображениями убитых людей в гражданской одежде. Были и тела женщин. Один мужчина лежал, вытянув руку с зажатым паспортом. Видимо, пытался показать кому-то документ.

Вахид похлопал меня по плечу:

– Отомстить имели право! И убить тебя! Я сказал, ты – важная птица, нужен в Джохар-Кале. Сказал, тебя приказано живым доставить. Давай чай пить!

За чаем мы вспомнили свою жизнь в интернате. И дальнейшие пути-дороги, которые мы выбираем. Или дороги нас выбирают.

Я рассказал, что служил в Туркмении, когда началась война в Чечне. И всем говорил, что чеченский народ победить невозможно. Откуда знаю? Я приводил примеры из жизни в интернате.

Очень часты тогда были драки с местными парнями. И никогда местные не выходили победителями. Это странно, если учесть, что Волгоград – огромный город, и боевых парней там полно. Казалось бы, должны массой задавить малочисленных интернатских.

Но нет, не задавили!

Тогда же я увидел тактику действия чеченцев.

Особенно наглядным был такой случай. Вечером, в темноте, местные окружили здание интерната. И пошли на штурм входной двери.

Казалось бы, грамотно блокировали противника. Осталось только победить.

Но! Из окна интерната спустился первоклашка, и стремглав – в соседнюю воинскую часть. Часть, конечно, стройбатовская! А там – полно чеченцев и дагестанцев.

В это время местные штурмовали входные двери. Они узкие, поэтому забегать приходилось по одному. А внутри их встречал самбист по имени Пашхан. Хоть и десятиклассник, но силищи невероятной!

Местный парень бросается на Пашхана. И мгновенно летит на пол, бьется головой о цементный пол. Забегает следующий. И опять бьется о цемент! Жуткая картина!

Через пять минут подбегает подмога из стройбата. Солдаты окружают местных. И, размахивая ремнями, избивают парней острыми как лезвие металлическими бляхами.

Жуткое впечатление оставили и последующие события. Местный парень уже лежал на асфальте. Видно, сильно травмирован. Но приподнялся на локте, что-то сказал солдату. Тот грубо ответил. А потом с размаха, и очень сильно, ударил лежачего сапогом в голову. Удар сильный и резкий. Парень ударился головой об асфальт.

Потом говорили, умер он в реанимации.

Очень жестоко! Но резонен вопрос: почему огромный город не смог организовать нападение и победить? Неважно, кто прав, кто – нет. Каковы причины поражений?

Или другой пример. Как-то на перемене в школе раздался дикий непрерывный рев, доносящийся от входа. Все ринулись туда.

Внизу, у самого входа, стояли два парня. Высокие, спортивного вида. Прямо красавцы – гвардейцы! Наверное, кого-то из местных обидели интернатские, а парни пришли разобраться. И что?

От непрерывного дикого рева и визга парни растерялись.

К ним тут же подскочил чеченец – десятиклассник. И резко – удар в голову! Парень падает. Удар – второму! Тот падает. Первый поднимается, и тут же получает новый удар, профессионально-боксерский.

Очень жалко было парней! Хотя и непонятно, кто прав, кто виноват. Но это пример! Пример – сплоченности чеченцев, их боевого мастерства, смелости. Что мог противопоставить огромный Волгоград? Казалось бы, и боксеров там полно, и самбистов. Но! Что «но»? Непонятно.

Все это и вспоминал я в Туркмении, слушая новости из горячей Чечни. Делал вывод: все, увиденное в интернете, можно смело проецировать на любые боевые действия!

Вахид с гордостью резюмировал:

– Мы – нохчи!

– Эт точно! Еще в интернате ты рассказывал. Говорил, нохчи – от имени пророка Ноя. Чеченцы – это люди Ноя. Очень ты гордился!

– Точно, говорил! Нохчи – народ пророка Ноя! Точнее, Ноя звали Нох. Поэтому чеченский язык – самый древний на земле. Точно! Ты не слышал? Вы, русские, произошли от нас, чеченцев!

– Странная теория!

– Ты отстал от жизни, Петро! Знаешь о Рюрике? Наши ученые доказали, что Рюрик и его дружина говорили на чеченском языке! То есть Рюрик был чеченцем!

– Надо почитать! – ответил я. И спросил:

– Да! А помнишь, как воспитательница попросила всех выучить песню на чеченском языке? Чтоб на смотре песен мы победили!

– Конечно, помню!

– Кстати, о нохчи. Когда я служил в Туркмении, очень удивлялся. Там тоже есть нохчи. Ты не знаешь? Такое племя есть – нохурцы. На туркмен совсем не похожи! Глаза – голубые, а волосы – рыжие. По внешнему виду – точные чеченцы! Живут в горах Копет-Дага. Они говорят, что пророк Ной причалил после потопа именно туда.

Вахид опять вспомнил наше интернатское житие:

– Кто грабил жителей в Волгограде? Кто шапки снимал и лезвием – по лицу? Чеченцы? Или свои же, родимые русские? Конечно, не пианисты и скрипачи! А быдло! Оно везде в России – быдло!

Я согласился:

– Эт точно! Деньги у меня отбирали в городе не чеченцы!

– Точно! Помню, как ты пришел в интернат и чуть не плакал.

И кто вернул тебе деньги? А? Мы, чеченцы, и вернули тебе!

Вахид улыбнулся:

– А помнишь, твой отец рассказывал, когда лежал в больнице? В нейрохирургии. Бандитизм был в Волгограде! И шапки снимали, и шубы, и просто так избивали! Отец твой удивлялся, как много народа привозили в больницу. Ограбленных, избитых до полусмерти, брошенных замерзнуть на морозе! Он удивлялся. Ограбили, ну и ладно, а убивать зачем? Оставлять раздетым на морозе зачем? Не понимал он.

Вахид задал мне риторический вопрос:

– Кто были грабители? Чеченцы? Нет, конечно! Это – то же самое быдло, жестокое и жадное. Оно сейчас пришло к нам в горы. В наши горы! И так же, как в Волгограде, убивают и грабят. И что с такими нам делать?

Вахид допил чай, поставил стакан на каменный выступ:

– Извини, мне пора! О тебе сообщим в погранотряд. Чтоб не волновались.

Взбудораженный воспоминаниями, я долго потом не мог уснуть. И вдруг услышал слабый голос:

– Помогите! Вы – русские?

Я встал с топчана, прислушался. Прошелся по пещерке:

– Кто здесь?

– Я – рядовой Крапивин. Алексей. Меня в плен взяли. В Осетии. Наверное, умру скоро! Пальцы гниют. Гангрена. Напишите домой, маме. Что я здесь.

– Алеша! Ты откуда родом?

– Ростовская область. Город Шахты.

На следующий день Вахид пришел в приподнятом настроении. Хитро улыбаясь, хлопнул меня по плечу:

– Что, мятежный корреспондент! Я был прав! Не хотят генералы выкуп за тебя давать! Ответ прислали – ты в списках части, Итум-Калинского погранотряда, не значишься. Не служишь и в пограничном управлении в Старгополе. Я уж начал думать, что ты – реальный ФЭэ-СБэшник, под прикрытием прессы. Но нет. Они пишут, что ты самовольно оставил воинскую часть. А часть твоя – в Москве, газета «Граница». В Чечню они тебя не посылали. И против тебя возбудили уголовное дело. За дезертирство и предательство. Во как! Так что ты – натурально предатель родины! И перебежчик! Вернешься, под расстрел попадешь! Прямо смешно! Помнишь, кино было? «Свой среди чужих, чужой среди своих»? Ну прямо про тебя! Ха – ха – ха!

В это время постучали в дверь. Вооруженный бородач принес два стакана чая, лепешки.

Вахид отпил глоток и сурово спросил:

– Скажи, почему ваши нарушают закон?

– Да вроде пограничники не нарушали здесь, в Аргунском ущелье!

– Нарушали! Здесь – большой заповедник! Аргунский заповедник. А ваши вырубают деревья. Это – нарушение закона!

– Вахид! Тема интересная! Мне московские журналисты говорили, что на обеспечение погранотряда из Москвы отгружают гигантские кубометры леса – и пиломатериалов, и бревен. И для строительства блиндажей, и для растопки «буржук». Интересно, куда деваются все эти эшелоны?!

– Правильный вопрос! Ты слышал, что солдат ваш застрелился на таких вырубках?

– Говорили что-то. Но невнятно.

– Скажу! Ваших солдат каждый день везут в заповедник. Лес пилить. Вечером – назад, в отряд. Однажды уехали, а солдата забыли. Он сильно испугался. Ночью застрелился! Сам!

Вахид усмехнулся:

– Что тебе говорили москвичи? О эшелонах? Давай посчитаем деньги. Например, вам надо построить 30 погранзастав и погранотряд. Так? Длина границы – 80 километров. Сколько надо стройматериала на одну заставу?

– Хрен их знает. Они еще и воруют ведь!

– Давай сравним с Итум-Кале. Здесь – временный РОВД из Новосибирска. Так вот. Они построили домики, блиндажи и все такое. Знаешь, сколько они привезли стройматериала? Почти 20 вагонов! И бревна из сибирской лиственницы, и доски. Ну и бензоагрегаты. И компьютеры, электронику, и все такое. На сколько миллионов это тянет? Да еще доставку от Грозного сюда прибавь!

– Да, загадка! Куда все эти эшелоны исчезли у пограничников?! Ни одна заставка, и даже отряд в Тусхарое не обеспечен стройматериалами. Так, по мелочам только! Похоже, правы московские журналисты! Реально миллиарды разворованы! Прямо Корейки из «Золотого тельца»!

Вахид со злостью посмотрел на меня:

– Воровать – пусть воруют! Не это для нас главное! Главное – вы ограбили мечеть на Тусхарое! Видел мечеть в погранотряде?

– Да, одни стены голые. А купол пробит снарядом.

– Там было много ковров, очень древних! И кинжалы старинные. Где все это?! На Тусхарое каменные дома были. А сейчас даже фундамента нет! Вы что, мародеры? Наши сведения, все ковры и кинжалы увез ваш пограничный генерал!

– Вопрос правильный! Попробую узнать!

– А слышал про доспехи рыцаря? В Тусхарое – старинная могила нашего святого, рыцаря Амри Бока. Никто могилу не трогал, наже эНКаВэДэшники во время депортации! А вы – разграбили! Доспехи, оружие – все исчезло. Мародеры!

Мне оставалось только пообещать:

– Я узнаю! Попробую помочь. Чтоб вернули доспехи рыцаря!

Вахид поцокал языком:

– Так тебе генерал и расскажет! Но попытка – не пытка! Мы тебя отвезем в Итум-Кале. На Тусхарой сам доберешься. Хорошо?

– Конечно! Только одна просьба! Оружие, что осталось в Омечу, вы собрали? Могут мне вернуть автомат с магазинами от пулемета? Это – не мой автомат. Кто его выдал, хороший человек. Не хочу его «подставлять».

– Нет проблем!

– И еще просьба. Здесь у вас солдат сидит. Фамилия – Крапивин. Можно его забрать с собой?

Вахид не выказал удивления, но бросил на меня резкий взгляд:

– Тебе бы разведчиком быть, не журналистом!

Чуть подумав, он согласился:

– Для друга ничего не жалко! Забирай своего солдата. Все равно умрет без доктора. У него рука распухла. На гангрену похоже. Хотели его продать родителям. Да ладно, еще поймем! Забирай!

Вахид повернулся к боевику и что-то сказал ему по-чеченски.

Через десять минут привели бледного, обросшего щетиной солдата в грязном рваном бушлате. И автомат принесли.

– В магазине нет без патронов! Извини! – улыбнулся Вахид.

Чуть подумав, он достал из подсумка две гранаты – «лимонки»:

– Это – подарок от меня! Запалы – отдельно. На всякий случай! Тебе пригодится! Ну что, теперь можно ехать?

На выходе из пещеры Вахид остановился:

– Петро! Если опять попадешь в переделку, схватят тебя башибузуки, называй мое имя. Говори, что ты – мой брат. Хорошо?

Через полчаса нудного перехода по узким извилистым тропам мы оказались на дороге, ведущей в Итум-Кале. Старенький «Жигуль» уже поджидал.

Перед блок-постом у въезда в райцентр мы вышли. Пока старший проверял документы и созванивался с погранотрядом, я краем уха слушал радиоприемник, стоявший в углу блиндажа.

– Срочные новости! – слышался взволнованный голос диктора. – В Аргунском ущелье Чечни продолжается бой. Как мы сообщали ранее, пограничники попали в засаду боевиков, перешедших государственную границу из Грузии. Сейчас в ущелье проходит спецоперация «Возмездие». Наносится массированный бомбо-штурмовой удар. За успешное проведение операции генерал Городиркин представлен к высокому званию Героя России, подполковник Михаил Часткин – к ордену Мужества.

Капитан, старший блок-поста, с иронией посмотрел на меня:

– Ну как там, большие были бомбы?

Без трехэтажного мата я не обошелся:

– Бл..дь! Суки е..е! Какое на х..н возмездие?! Брехуны еб... е! Ни одной «вертушки» не было! А сейчас – где авиация?!

глава 2

ЗОЛОТО ЧЕЧЕНСКОГО РЫЦАРЯ

– Какой чеченский рыцарь?! Ты в своем, бл..дь, уме?! – злобно шипел генерал Городиркин, буравя меня маленькими злыми глазками. – Ты, бл..дь, зачем панику развел в отряде?! А?! Какое золото рыцаря?! Б..дь! Тебя куда определили после контузии?

– В группу медусиления госпиталя, товарищ генерал!

– Ты зачем, бл..дь, докторов с толку сбил? Они же, бл..дь, не работают! Ходят кругами, скальпелями тычут, куда кобель х..й свой не совал! Ищут, бл..дь, золото рыцаря! Говорят, Ильин надоумил!

Генерал отчитывал меня, восседая на деревянном улье, накрытом старинным узорчатым ковром. Такой же красоты ковры покрывали и всю армейскую палатку.

В других палатках отряда, предназначенных для простых офицеров, таких ковров я не наблюдал.

Поэтому удивлялся стенам генеральской палаты:

«Ковры, похоже, из мечети! Из разбомбленной мечети. Здешней, тусхаройской! Но зачем генералу ковры?»

От раздумий меня отвлек окрик генерала:

– Ильин, твою мать! О золоте рыцаря где узнал?!

– В поселке, Итум-Кале. Рассказали. Тусхарой, сказали, это святыня. В двенадцатом веке здесь жил чеченский рыцарь Амри Бока. Вождем тейпа был, или ханом. Здесь, на месте погранотряда, место его захоронения, «зиярат». Здесь спрятаны большие сокровища. Золото-серебро. Со времен нашествия Хромого Тимура сохранилось. Погибших воинов – чеченцев хоронили в склепах. Туда же складывали вооружение и всякие драгоценности.

– И где эти склепы? Тебе сказали?! – настороженно спросил генерал.

Я не сдержал усмешки:

– Нет. Они не доверяют нам. Пограничники для них – это потомки эНКаВэДэшников, депортировавших их в сорок четвертом.

Генерал злобно посмотрел на меня:

– Это хорошо, что не сказали! А то личный состав полезет золото искать, перестреляет друг друга! Зачем мне ЧеПэ?

Я усмехнулся, глядя на старинные ковры, устилающие пол и стены палатки.

Городиркин перехватил мой взгляд и заорал:

– Ильин, твою мать! Сегодня придет колонна Железноводского погранотряда особого назначения. Приказываю тебе, бл..дь, не подходить к ним на пушечный выстрел!

Я ласково посмотрел на генерала:

– Так точно, тварыш енерал! Разрешите уточнить? А чегой-то у них такого особенного?

– Не твое, бл..дь, дело! Не суй, бл..дь, свой нос! Они будут помогать московским саперам испытывать миноискатели. Ладно, иди лечи свою контузию! И не болтай больше про золото рыцаря!

Ночью Тусхарой был поднят по тревоге. Автоматные очереди раздавались рядом с кладбищем. Когда выстрелы стихли, оказалось, что убит часовой. Ножом.

Вместе с медиками госпиталя я побежал к месту боя.

У каменного сарая стоял солдат. Ошарашенно говорил:

– Я его менять шел! Часового. А он закричал и открыл по мне огонь! Я кричу, что сменить иду. Он перестал стрелять. Я осветил фонарем. Сначала на себя, потом в его сторону. Смотрю, а сзади него – рыцарь в блестящей кольчуге! И сабля в руках! Я стрелять начал!

– И убил часового, долбан! – послышалось из темноты.

Утром расследование продолжалось. Но рыцаря, или хотя бы сабли, не нашли. Но главного виновника определили сразу!

Городиркин вызвал меня «на ковер»:

– Ильин, твою мать! Твои, бл..дь, проделки?! Ты где был с четырех до пяти?!

– Спал, тварыш енерал! – наивно хлопнул я глазами.

– Бл..дь! Твои проделки!

– Ага! Прodelки на Кавказе!

– Какие проделки, бл..дь?

– Книга такая есть, «Прodelки на Кавказе». Такая там правда, что царский режим срочно уничтожил весь тираж.

– Ты на че намекаешь, бл..дь? На Путина? На президента?

– Я ж говорю, книга – дореволюционная. Путин ведь – не царь. Или царь?

Генерал ну очень разозлился:

– Иди отсюда!

Когда я шел от генеральской палатки, видел, как солдаты Железноводского погранотряда рыскали с миноискателями неподалеку от разбомбленной мечети. Чуть ниже было старинное мусульманское кладбище. Солдаты медленно шли именно к нему.

– Ильин, твою мать! – услышал я сзади гневный окрик. – Тебе опять делать нечего?

Генерал Городиркин злобно сверлил меня своими ясными глазками. Рядом стоял длинный худой полковник.

Генерал повернулся к жердю:

– Ильина возьмите! Пусть делом, бл..дь, займется!

Полковник злым скрипучим голосом сообщил мне:

– Полковник Морозов, Управление воспитательной работы Пограничной службы. Москва.

– Очень рад! Очень! – радостно ответил я.

Морозов скривился, как будто его прожигала язва желудка:

– Ты давай не придурайся! Сейчас пойдешь в минометную батарею. Политинформацию читать. Мы приехали из Москвы. Процесс контролировать. Сегодня – день политинформации.

– Ну и? – удивился я. – При чем тут я? Из Московии я не прилетал вместе с вами!

– Не перебивай! – проскрипел полковник. – Нам одного офицера не хватило. А ты – офицер центрального подчинения. Пойдешь к минометчикам! Понял?

– Нет, не пойду!

– Как не пойдешь? – проскрипел Морозов. – Эт па-а-чему?

– Потому что завещал Преображенский!

Морозов вытаращил глаза:

– Опять придураешься? Какой, на х..й, Преображенский?

– Профессор!

Генерал Городиркин не выдержал:

– Ильин, твою мать! Какой, на х..й, профессор?! Ты че, на «гражданке»? Снимай погоны, и слушай своего профессора!

Я сделал глуповатое лицо:

– Вах! Гарабасма! То есть «ужас» по-туркменски. Вы не знаете профессора Преображенского?! Гарабасма! Это же Булгаков, «Собачье сердце».

Глаза полковника выразили некоторое отупение:

– При чем тут профессор?

– Помните, ему предложили подписаться на газету? И что он ответил? «Не хочу, просто не хочу». Так и я. Просто не хочу идти к минометчикам.

Генерал повысил голос:

– Не исполнять приказ? Тебе, бл..дь, мало уголовки за самовольное оставление части?!

Я решил прекратить этот глупый спор. И согласился:

– Ягши! Хорошо! Пойду к минометчикам. Только один вопрос разрешите? Очень меня он мучает.

Генерал нервно поморщился:

– Давай. Только быстро!

Я повернулся к Морозову:

– Знаете, кто меня спас в бою?

Морозов недоуменно уставился на меня.

– Морозов меня спас. Ваш однофамилец! Закрыл меня своим телом. Осколки изрубили его. А я выжил. Второй вопрос. Кого убило в ночь под Рождество этого года? Помните, нападение на базовый лагерь «Бастыхи». Убило солдата по фамилии Морозов!

Полковник нервно заскрипел:

– Не пойму, о чем ты!

– О том, что здесь погибли два Морозовых. Вопрос простой. Почему именно Морозовы? И самое главное, будет ли третий Морозов?

Генерал не выдержал:

– Ильин, твою мать! Ты на че, бл..дь, намекаешь? Хватит болтать! Иди в минометную батарею!

Генерал завел ошалевшего полковника в свой шерстяной цветастый шатер. А я побрел к минометчикам. Идти пришлось километра три, скользя по заледенелой узкой тропке.

– Вот лодыри! – бурчал я. – Арбатский погранокруг! Леня тащиться самим, «припахали» раненого! Штас я им устрою «цыганочку с выходом»! Пожалеют, что сами не пошли!

В блиндаже минометчиков было жарко. «Буржуйка» пылала красным боком. На топчанах сидели солдаты, ждали лектора из Москвы. И беззлобно матюкались в ожидании нудной лекции о международном империализме, жаждущем захватить великую Россию.

Очень они удивились, когда я спросил:

– Библию читали? Как там сказано о происхождении человека? И как звали этого первого человека?

– Адам! – ответил кто-то, скрытый темнотой блиндажа.

– Точно! – похвалил я. – А знаете ли вы, что у чеченцев имя Адам – очень распространенное? Какая связь между Библией и чеченским именем? Кстати, в Туркмении тоже есть слово «адам». В переводе с туркменского это – «человек».

– Товарищ подполковник! Да всякие имена есть!

– Нет, не всякие. Русское имя Адам есть? Нет! Какой вывод можно сделать?

– Да шут его знает!

– И второй вопрос. Что такое свастика!

– Так фашисты это! – раздался голос из темноты.

– Да уж! Свастика – это русский символ! Древней Руси.

Я достал из полевой сумки газету:

– Знаете, что это? Раритет! Мне его чеченцы подарили. Газета «Путь Джохара». Очень любопытная статья там. Называется «Чеченцы – основатели Руси». Сразу предупреждаю. Для особистов. Я не призываю к экстремизму. Просто читаю газету, найденную на проселочной дороге. Ребята! Поняли? Это просто газета, найденная на дороге. А мы очень любопытны.

Повернувшись к огню керосиновой лампы, я прочитал:

– Чеченцы являлись основателями государственности Руси. В первом историческом упоминании о нохчи (самоназвание чеченцев) их племя было локализовано в низовьях Дона. «Дьнна» – в переводе – чеченская река.

До трети чеченских корневых слов перешло в древнерусский язык еще тысячу лет назад! Даже имя половца Овлур, который помогал князю Игорю, чисто вайнахское. Возьмем теперь столицу Древней Руси.

Я посмотрел на солдат:

– Знаете название этой столицы?

– Киев! Какое еще! Знаем!

– Молодцы! А откуда взялось это название? Посмотрите на карту Чечни. Здесь тоже есть село Кий, бывшее когда-то столицей. Это – род Киева. И фамилия есть – Киев. А антропоним полян и есть «Кий». То есть название Киева взято из чеченского языка.

– Да не может быть!

– Можно, конечно, не верить. Но все похоже на правду. Давайте разберем слово «русский». Вы знаете, откуда оно?

Молчание подтвердило, что солдаты не знали. Но загудели очень удивленно:

– Че, тоже чеченское слово?

– Так точно! Слово «Русь» по происхождению – именно чеченское. Здесь, в Чечне, есть род с похожим названием – «Орс-тхой». Что такое «Орс»? В переводе это «Поляна» или светлое место. Вы можете возразить – что не похоже на слово «Русский». Просто у вас нет опыта жизни в других странах. А там не говорят «русский». Когда я служил в Туркменистане, то русских там называли «урусчи», «рус». Слышите сходство? Рус, орусчи, русча?

– Не может быть! Буквы-то другие впереди! Так мы – не русские? Мы – чеченцы!

Я усмехнулся:

– Буквы меняют люди, плохо понимающие чужой язык. Расскажу вам о Туркменистане. Все изучали географию в школе? Помните реку Аму-Дарья? Или город Кушка?

– Отец у меня служил там! – откликнулся голос с галерки. – Поговорка была: «Есть в Союзе три дыры – Термез, Кушка и Мары».

Похвалив солдата, я продолжил:

– Я служил в этой самой дыре, в Кушке. Только это неправильное название. Когда царские войска заходили в Туркмению, топографические карты поручали составлять не самым образованным людям. Вот они и сочиняли от себя, как им слышалось. А зря! Названия указывали на особенности мест, которые надо использовать при наступлении. Например, поселок Гудриолум в переводе означает «скользящий брод» через реку. Поселок Шарлоук – это водопады. Село Аджи – Яб означает «горький арык».

– Ну а что такое Аму-Дарья? – послышалось из темноты. – Эт че, баба такая?

– Нет, не баба! Кстати, слово «баба» в Туркмении – это не женщина. Наоборот, дедушка. И слово «бабай» – именно от него. Ну а «Дарья» – это не имя. Опять напортачили наши предки, переиначив на свой крестьянский лад простое слово «река». Надо было написать правильно – «Деря». Это и есть «река». То есть «река Аму». А мы после наших нерадивых предков нечего не поймем!

Солдат, сидевший ближе всего ко мне, начал тянуть руку. Прямо как в школе:

– Разрешите вопрос? Вы говорите, что в названиях зашифрованы особенности мест. Так? Получается, и здесь, в Чечне, названия важны?

Я удивленно посмотрел на солдата:

– Ай, молодец! Ай, берекелла! Правильно мыслишь! Тебе бы в разведку! Вот вам примеры. На карте читаем: «Шина ина юк». Что это по-чеченски? Очень просто: «Двух ущелий середина». Или вот еще. Развалины Дакхочу. На чеченском это – «Березы границы верхней». Какой вывод? Изучай язык народа, где служишь!

Спрятав газету в офицерский планшет, я показал на выход из блиндажа:

– Теперь выходим. Проверим вашу наблюдательность.

Выйдя, я показал на палаточный лагерь погранотряда:

– Что видим? Палатки. На окраине – мечеть. Точнее, развалины. А сзади – мусульманское кладбище. Ничего особенного? Или есть странности?

Солдаты вглядывались. Но понять не могли, что ж такого особенного там. Наконец, послышался неуверенный голос:

– Ну, саперы еще ходят. С миноискателями.

– Ай, молодец! – воскликнул я. – А в чем странность?

– Да нет странности. Просто мины духовские ищут. Хотя стоп! Какие еще мины! Клад ищут!

Я рассмеялся:

– В точку! Именно клад ищут! Специально из Москвы прилетели. Привезли новейшие миноискатели.

– Да откуда там клад? Там же кладбище!

– Вот именно! Слышали про Хромого Тимура? Его полчища добрались и до Чечни. Это примерно 1390-й год. Тысячи чеченцев полегло тогда в боях. Похоронены здесь, в Тусхарое. Как положено, вместе с оружием и доспехами. Здесь же, в отдельном склепе – знаменитый чеченский рыцарь Амри Боку. Это даже не склеп. Это – святилище, зиярат. Оружие и снаряжение Амри – из серебра, украшено драгоценными камнями. И таких знатных воинов похоронено много. Вот и приехали саперы. Золото-бриллианты ищут!

– А мы не знали! – раздались голоса. – Мы давно б нашли!

Не успел я рассказать свой план, дабы привлечь к моей «шутихе» солдат, как со стороны отряда появилась группа бегущих фигурок.

– ЧеПэ у них, што ль?

Фигурки приблизились. Впереди всех спешил московский полковник Морозов. На ходу он возмущенно размахивал длинными руками и что-то кричал.

– Ильин! Ты опять контрреволюцию разводишь! – заорал он по прибытии. – Джихад разводишь! Мало тебе уговного дела?! Давай быстро в отряд! Следователю расскажешь, какой ты джихадист!

В палатке «особистов» меня уже поджидали. Как я и предполагал, о моей лекции уже доложили. И ждали, ехидно скорчив морды.

«Настоящие эНКаВэДэ! Ну и рожи!» – подумал я, помня рассказы своего деда. На фронте его чуть не расстрелял такой же свиномордый. Как там его фамилия? Ага, вспомнил! Решетов!

Пока я так размышлял, в палатку зашел мой шеф – начальник консорциума «Граница» полковник Калинин. Сопровождали его трое мрачных мордворота – охранника. Следом зашли еще две подозрительные личности.

Калинкин представил их:

– Офицер защиты гостайны концерна майор Хосе Мария Отелло Мартинес Хулиан Вильямович. А это – наш юрисконсульт капитан Дмитрий Донской.

Особисты, посмотрев на майора, удивленно переглянулись.

Майор был очень колоритен: этакий brutальный мавр из оперы «Отелло». Черный как сажа. Только лысый.

– Концерн проводит собственное расследование по факту перехода на сторону противника подполковника Ильина. – пояснил Калинин. – И самовольного оставления части. А тут еще – исламская пропаганда и агитация!

Калинкин перевел взгляд на мавра:

– Отелло Мартинес Хулиан! Помогите товарищам! О результатах доложите вечером!

В сопровождении угрюмых мордovorотов полковник вышел. Чтобы сбить неловкое молчание, один особист обратился к Отелло:

– Мы думали, начальник консорциума приехал по душу Ильина. А он ушел. Странно. Мавр удивил чистой русской речью, без намека на африканский акцент:

– У полковника Калинкина – очень важная миссия. Ваш пограничный отряд сейчас доступен для нападения, никак не защищен. Консорциум «Граница» разработал схему фортификационных сооружений. Мы приблизительно прикинули стоимость. Миллионов на пятьсот тянет! Долларов американских.

Особист удивленно спросил:

– Да кто ж даст столько? Здесь гвоздей даже нет, чтоб блиндажи строить!

Отелло весело улыбнулся:

– Это вам не дают. А консорциуму дадут и пятьсот тысяч, и миллион долларов! У нас, кстати, свои заводы железобетонных изделий есть. Так что построим вам оборону, не волнуйтесь!

Перестав скалить безоснежные зубы, мавр строго глянул на меня:

– Товарищ подполковник! Начинаем Ваш допрос! Вопрос первый. Что Вы делали в минометной батарее?

Пока Отелло рассказывал о фортсооружениях, я выработал тактику действия. Сделав серьезную морду лица, я показал на свою голову и перешел на туркменский язык:

– Контузия! Мен миллетим туркмен! Сыз туркмен дили бильянами? Мен рус дили аз бильярын. Рус язык мало-мало знает!

Особист улыбнулся и пояснил мавру:

– Он говорит, что туркмен он. И нам так говорил. Переводчик нужен. Есть у Вас переводчик?

Мавр не был туркменом и не знал туркменского. На этом допрос и закончился.

Я пошел спать. У входа в госпитальную палатку оглянулся. На склоне, сразу за мусульманским кладбищем, солдаты рыскали, уткнув миноискатели в землю.

Вздыхнув, я залез на облезлую койку и задремал.

Из полудремы меня вывели истошные крики снаружи. Я выглянул. У открытого борта «Шишиги» («Газ-66») – сумятица и беготня. Солдаты быстро вытаскивали из грузовика раненых бойцов. Уложив на носилки, мчались в операционную.

– Что, боестолкновение?! – подошел я поближе.

– Ага! Два, бл..дь! – злобно ответил капитан, старший машины.

Оглянувшись на меня, он смягчился:

– А, это Вы, товарищ полковник! Это Вы были в бою! А эти – не были. Как только бошки их тупые, бл..дь, не поотрывало! Генералы, бл..дь! Форель, бл..дь!

– Что за форель?

Матюкаясь и отплеываясь, капитан рассказал о ЧеПэ.

Дело было так. Генерал, приданный от Москвы для контроля за созданием Итум-Калинского погранотряда, заскучал. И решил поехать на рыбалку. Сказали ему, что в бурных водах речки Бастыхи, что впадает в ревуший Аргун, водится огромная жирная форель.

А тут еще из Москвы пожаловал важный гость – начальник Консорциума «Граница» полковник Калинкин. «НАТОвский» камуфляж и «разгрузка» сидели на нем странно, как седло на корове. Но он грозно топорщил свои жидкие усики, пучил глаза и важно посматривал на своих телохранителей. На их фоне полковник смотрелся крайне жалко. Три огромных мордovorота, и между ними затерялся маленький пухлый толстячок.

Калинкин поехал на рыбалку со своими мордovorотами. Генерал взял бойца с автоматом и двух поваров из генеральской столовой.

На двух «УАЗах» они спустились с Тусхароя вниз, к Аргуну. Нашли рыбное место, начали метать блесну.

Поварята разожгли костер. Изготовили «к бою» казан, ложки-поварешки. Ну а пока дожидались генеральского улова, решили сделать фотоснимки. Боевые. С двумя автоматами наперевес. Чтоб как Рэмбо в джунглях Амазонки.

Нашли на тропе красивое место, дабы сзади виднелись заснеженные грозные горы. И попросили охранника Калинкина заснять их мужественные лица.

Мол, в погранотряде они у котла да тушенки. А тут можно пофоткаться на славу. И домой послать. Мы, мол, в жестоком бою. Отражаем набег злых чечен!

Не знали поварята, что место их «фотки» только вчера заминировали наши саперы. Чтобы генеральской рыбалке не помешали злые чечены.

Вот и вляпались воины в эти самые мины! Повару мгновенно оторвало ступню. Охранник бросился на землю. И подорвался на mine. Кисть руки ему срезало.

Пока капитан рассказывал, к нам подбежал подполковник из пресслужбы округа. Ливанкин.

– Капитан! – возбужденно пропищал он. – Мы готовим сообщение для прессы. Как Ваша фамилия? Вы тоже – участник боя.

– Какого боя? – удивился капитан.

– Который сейчас! Боевики устроили засаду, узнав о генерале из Москвы и полковнике из консорциума «Граница». Чечены, имея численное преимущество, открыли массированный огонь. Тяжелые ранения получили бойцы отряда. Генерал руководил боем. За что и представлен к Орденому Мужества. Все участники боя представлены к награждению медалью «За отвагу».

Капитан злобно сплюнул:

– Меня не надо писать!

В это время мимо шли полковники – москвичи. Замполиты, так сказать. Морозов покосился на меня и обратился к Ливанкину:

– На обед идете?

– Конечно! – радостно сообщил тот, присоединяясь к дружной стае голодных пролетариев умственного труда.

Капитан злобно прошептал, глядя им вслед:

– Бля! В генеральскую столовую поперлись! Не хотят их высочества парашу жрать в офицерской столовке!

Повернувшись ко мне, он предложил:

– Пойдемте и мы кушать диетическую манную кашку!

Отказываться было неудобно. Хотя мои ангелы-хранители из Группы медицинского усиления категорически запретили мне посещать эту самую офицерскую столовку. Ну и тем паче – солдатскую. Чтобы, значить, не подорвать здоровье.

Но я мужественно пошел за капитаном. Чтоб не думал, что я такая же сволочь, как Ливанкин и другие «поллитрабочие».

Однако, зайдя в грязную сырую палатку, названную по недоразумению офицерским общепитом, я задумался.

За перегородкой повар шлепал в миски какую-то вязкую дрянь.

– Это что? – настороженно спросил я повара.

– Каша перловая с тушенкой! – недовольно пробурчал он. – Вы что, сами не видите?

– «Дробь шестнадцать» вижу. То есть перловку. А мясо где?

Повар пробурчал что-то невнятное и тыкнул пальцем наверх:

– Это туда вопрос. Что они дают, то и есть.

Ответ меня устроил. Он позволил ретироваться из этого храма роскоши и чревоугодия тихо и мирно, не вызывая ненависти офицеров.

Капитан в это время брезгливо тыкал ложкой в перловую дрянь, пытаясь отыскать запах мяса.

– Пойду выяснять! – объявил я и радостно ретировался.

И действительно пошел выяснять, куда подевался мясной дух из диетического блюда тыловых товарищей.

У огромного бака стоял повар – контрактник, держа наперевес огромный черпак.

– Товарищ повар! – обратился я. – Что за диетическое блюдо у вас? Для кого?

– Эт для личного состава. – ответил он. – Макароны с тушонкой.

Заглянув внутрь емкости, я удивился:

– Это какая-то черная вода с макаронами. А мясо где?

Повар обиженно метнул взгляд на мои подполковничьи погоны. Немного посопев, он отставил свою «пушку» и полез в какой-то коробок:

– Вы думаете, я украл мясо?! Обижаете!

Достав консервную банку без этикетки, он быстро ее вскрыл:

– Вот оно, мясо! Я не воровал!

Внутри мяса не было. Бультыхалось что-то желатинообразное, наподобие столярного клея.

– Это что, столярный клей? – спросил я.

– Это – тушонка высшего сорта! – возмущенно ответил солдат.

Тут меня осенило. В старгопольском Роспотребнадзоре мне что-то говорили о подмене и пересортице. Схема мошенников проста как пять копеек: по контракту идет наивысший сорт, по наивысшей цене, а реально поставляют самый низший сорт, иногда и откровенный брак.

– Вас я не обвиняю! – успокоил я повара. – Вы если и похитите пару банок, ничего страшного. Здесь, похоже, более масштабное воровство. Вагонами! Читали «Золотой теле-нок»? На чем сделал свои миллионы Корейко? Вагоны продовольствия уворовывал!

Взяв у повара три банки странной тушонки и кипу бумажных ленточек, на которых прописывался состав этой бурды, я пошел на обед. Конечно, не в офицерскую столовую. Зачем мне подрывать свое драгоценное здоровье!

– Приятного аппетита! – вежливо сказал я, откинув полог генеральской столовой.

Полковники-москичи радостно заулыбались. И только подполковник Ливанкин, сидящий у входа, злобно зашипел:

– Иди отсюда! Кто тебя приглашал?!

Я посмотрел на полковника Морозова:

– Товарищ полковник! Большая просьба! Пожалуйста, разъясните пресслужбе, что я – офицер центрального аппарата пограничной службы России. Товарищ не понимает!

Присмотрев свободное местечко, я пролез за стол. Повар тут же принес на подносе ароматный борщ, присыпанный свежим укропчиком. Следом – тарелку картофельного пюре с огромной котлетой.

Ливанкин злобно посматривал на меня. Наверное, выдумывая очередную ябеду на меня. Очень уж морда была кривоскошенной.

У полковника Морозова морда лица тоже была недоброй. И какой-то распухшей.

Откусив котлету, Морозов тихо застонал. Схватившись за щеку, он встал:

– Извините! Всю ночь зуб болел. Пойду лечить.

Через пять минут он появился на пороге столовой. Ошарашенно глядя на офицеров, промычал:

– У них тут ничего нет! Даже таблетки анальгина нет! Зубник меня смотреть даже не стал. Говорит, нет лекарств. Возьмите, говорит, у повара соду, и полощите! Бред какой-то!

Я торжествующе посмотрел на него:

– Наконец-то вы увидели реальность! А то пресслужба вам всем дует в уши, как прекрасно здесь. Я же вам говорил, что солдаты на границе лечатся от гриппа корнями и ветками шиповника! Тыловики все лекарства куда-то дели! Вы понимаете? Россия в космос заехала, а тут элементарных таблеток нет!

– Прекрати свою агитацию! – заорал вдруг Ливанкин. – Мятежный, блин, корреспондент! Без тебя товарищи офицеры все знают! Иди отсюда!

Чтобы не продолжать перепалку, я, как обычно, перешел на туркменский. Пожелал приятного аппетита:

– Ишдяниз ачык болсун, елдашлар!

Что с ними говорить, ежли все и так знают.

Знают, сюки, но мер не принимают!

А через полчаса меня уже требовал к себе генерал Городиркин. Ливанкин успел ему наябедничать!

Показывая на колонну «Камазов» и БТРов на окраине отряда, генерал приказал:

– Ильин, твою мать! Железноводский ПОГОН убывает к месту дислокации. Ты, бл..дь, следуешь с ними. С глаз моих, на х..й! Нечего здесь рыскать! Садись в «УАЗ» к замполиту! Доедешь до Пятигорска, и своим ходом – в госпиталь!

Колонна тронулась. По серпантину узкой дороги мы спустилась к первому блок-посту. Все тихо-спокойно. Можно подремать.

Но только-только миновали Итум-Кале и втянулись в ущелье, передовой дозор сообщил о помехе:

– Здесь новый блок-пост! Требуют остановиться для досмотра!

– Засада! Прорывайся! – послышался в эфире голос начальника отряда.

Через минуту там, впереди колонны, раздался мощный взрыв. Похоже, передний БТР подорвался на фугасе. И сразу сверху, из густых зарослей кустарника, на колонну обрушился шквал огня.

Солдаты посыпались с «брони», занимая позиции за камнями и деревьями. Автоматные трассеры резали дорогу вдоль и поперек, не давая шансов выжить. Грохотали разрывы гранат.

Неожиданно для всех дорога вздыбилась мощными разрывами. Мелкое крошево битых камней секло бойцов, укрывшихся на обочине. Они матюкались, понимая, что попали «под раздачу» своих же артиллеристов, только пехотных.

И тут же – мощный взрыв! Грузовик, нагруженный какими-то ящиками, разлетелся на куски. Искореженный остов бросило вниз, в ущелье, в бурные воды Аргуна.

Взрывной волной меня швырнуло вниз, к реке. От падения с обрыва спасло деревце, вцепившееся корнями в скалу.

И вдруг – тишина! Снаряды перестали рвать дорогу и скалы, трассеры пуль иссякли. Что это? Я осторожно выглянул.

– К машинам! К машинам! – слышались команды.

Солдаты, настороженно оглядывая склоны гор, собирались у «Камазов».

Замполит, подполковник Троян, громко матерился:

– Ошибка вышла! Прокуратура, мать иху за ногу! Проверку решила нам сделать! Что мы там везем запрещенного! Ага! Золото чеченского рыцаря вывозим!

Какие-то неизвестные подошли к строю, поговорили с командованием. И сразу – приказ:

– Вещи – к досмотру!

Но, перетряхнув вещмешки, ничего подозрительного не обнаружили. Приказали раздеться до трусов. Тоже – впустую. Просмотрели машины. Тоже – пусто!

Что они искали, следователи прокуратуры не сообщили. Но отпустили с миром. Благо потерь, за исключением легкораненых, не было. На замену подбитому БТР из отряда пригнали новый. И – в путь! К обеду надо оказаться в Ханкале, на ночевке.

Подполковник Троян матюкался в «УАЗике» недолго. Махнув рукой, он стал смотреть в окно. Ну а я, глядя на заснеженные горные вершины, вдруг подумал:

«На Зюльфагар совсем не похоже!»

Вспомнил, на свою голову! Контуженную голову! Как ни пытался отогнать видения, ничего не получалось. Как его забыть, этот давний раскаленный Зюльфагар!

глава 3

ЗУЛЬФАГАР

В моей голове плыли величественные, мощные аккорды «Полета кондора». Я сам – эта гордая огромная птица! И зорко вглядываюсь в раскаленные туркменские горы. Гигантская паутина мрачных ущелий опутывает знаменитый район «Золотого треугольника».

Этому методу меня научил Иван Дорохов, мой лучший друг. Метод очень странный и загадочный, но позволяющий наверняка вычислять время и место контрабандных наркокараванов, ползущих по тайным тропам на стыке границ Туркмении, Ирана и Афганистана.

«Золотой треугольник» успешно использовали всегда, еще со времен Советского Союза. Метод был прост, как все гениальное. Если на пути каравана выставляли засаду туркменская сторона, караван уходил к иранцам. Если иранцы готовили бой, наркокурьеры уходили в Афганистан. И так – до бесконечности!

Однако «лафа» их закончилась с появлением на границе русского Ивана. Моего друга. Его странный метод поставил под угрозу всю, налаженную десятилетиями, стройную систему поставки наркотиков. Угроза была такая, что нещадно расстреливались любые наркокурьеры, заподозренные в предательстве.

Может, это предательство имело место быть, но только неумышленное. Не зря добродушный голубоглазый увалень Ваня превращался в крепкого бородача-афганца и пропадал неделю, а то и больше, в одном ему ведомых пуштунских кочевьях. И ни одна контрразведочная «баба Яга» не могла учуять его русского духа.

Наверное, судьба миловала Дорохова. Но скорее всего, выручали его острый ум и высочайшая подготовка, наблюдательность, глубочайшие знания восточных обычаев и языков, интуиция и звериное чутье.

Все эти качества, а также способности Ивана к гипнозу позволяли их разведгруппе решать боевые задачи зачастую без всякого боя. Как было, например, в тот жаркий июльский день, когда неизвестные, прорезав кусачками дыру в сигнализационной системе на участке Тагтабазарского погранотряда, на мощном мотоцикле прорвались далеко вглубь туркменской пустыни.

Дорохов долго изучал карту местности, испещренную еле заметными ниточками верблюжьих троп. Советовался с ребятами из туркменского Комитета Госбезопасности. К удивлению туркмен, закрывал глаза и молча держал ладони над картой. Потом резко встал:

– Гит! («Едем»)!

И точно! Он вывел свою группу прямо к полуразрушенной ферме, жители которой рассказали о двух неизвестных, пару часов назад подходивших в поисках воды. И транспорт просили. А потом эти люди, похожие на афганских моджахедов, ушли на кошару к Амангельды, у которого имелся старенький «УАЗик».

– Ребята, похоже, очень серьезные! И задача у них более сложная и важная, чем простая перевозка наркоты! – сделал вывод Иван, выслушав местных и задав несколько вопросов, не относящихся, казалось бы, к теме.

Палящее жестокое солнце упало за дальние серо-желтые барханы. Пограничники, укрываясь за полупрозрачными кривыми деревцами саксаула, перебежками и ползком окружили войлочную юрту посреди пустыни.

Дорохов, став благодаря чабанскому халату настоящим туркменом, зашагал к белеющим у загона овцам. Выскочившие было навстречу огромные лохматые алабаи (туркменские овчарки -волкодавы) были остановлены криками подбежавшего подпасака. Следом вышел и Амангельды. Пригласил, согласно мусульманского Адата, ночного путника в юрту.

Бойцы, сжимая автоматы, с напряжением вслушивались в ночные шорохи пустыни, готовые в любую секунду сорваться на помощь командиру. Но приказ был железный: «Лежать тихо и ждать меня!»

Прошло много томительных минут, пока из юрты не послышался звук удара и следом за ним – условный свист.

Ворвавшись в юрту, бойцы увидели сладко храпевшего бородача, освещаемого отблесками костра. Чуть в стороне Иван связывал кому-то руки. Старик Амангельды сидел, свернув калачиком ноги, и невозмутимо пил чай.

– Как я и думал, птички эти – очень важные. Залетели аж из Пакистана! – говорил потом Дорохов, когда все сидели за дастарханом гостеприимного чабана. – И прошли, видать, хорошую спецподготовку. Особенно один. Его я не смог усыпить! Он сразу понял, что никакой я не чабан! Вот и сидели мы с ним, смотрели в глаза. Кто кого осилит, переборет. Тяжело нам, ребята, придется. Такие спецы повадились ходить! Думаю, этими спецами разбрасываться не станут, слишком они ценные!

Эх, Иван! Ты и сам был слишком ценным специалистом, чтобы голова твоя не была оценена. Пришла информация, что нужен ты можахедам только живой. Но это обстоятельство и губило «охотников», потому что пленить тебя было невозможно.

Пятнадцатое августа 1995 года мы с Иваном встречали на погранзаставе «Инджирли-Чешме», упрятанной в блиндажи еще со времен советско-афганской войны. Данных о готовящихся перейти границу караванах не было, но душа Ивана чувствовала беспокойство.

Неожиданно из погранотряда поступила команда: встретиться с очень надежным, как подчеркивалось в телефонограмме, афганским информатором. Встреча – в одном из отрогов Зюльфагарского хребта. Ивана настораживало, что информатор был незнакомым. Это вызывало тревогу.

Дорохов не раз бывал на той стороне, и никогда спокойствие и уверенность его не покидали. Теперь-то что тревожиться? Территория – своя, хоть и на стыке трех границ. Чего волноваться?

– Да ты, брат, просто устал! -пытался я отвлечь друга. – Давай лучше споем! А? Любо братцы, любо, любо братцы жить...

– Подожди! Дай подумать! – Иван достал карту местности, которую он давно изучил вдоль и поперек. Почесывая подбородок, всмотрелся.

– Что-то не так! – задумчиво произнес он. – Непонятно, зачем афганцу выходить именно в эту точку! Очень подозрительно!

Подозрение усилилось после сообщения о серьезной неисправности заставского «УАЗика», еще вчера резво карабкавшегося по самым крутым склонам.

Но времени на глубокие размышления не оставалось. Время поджимало, требовало немедленного выезда.

Иван привычно сел за руль. Я – рядом. Сзади – четыре солдата (пулеметный расчет, гранатометчик и снайпер). И машина разведотдела рванула в горы.

Часа полтора мы петляли по узкому серпантину дороги, привычно и спокойно заглядывая в бездонные пропасти ущелий, разинувшие злобную пасть в сантиметре от колес. А солнце все сильнее раскаляло и расплавляло это древнее мертвое пространство.

Иван знал дорогу как свои пять пальцев. Поэтому наш «УАЗик», вывернув за очередную скалу, чуть не врезался в невесть откуда взявшуюся глыбу. Тормози!

И тут же под задними колесами прогремел взрыв. Ударной волной нас с Иваном выбросило на дорогу.

Мы перекатились за камни, изготовившись к бою. Бойцы лежали возле горящего «УАЗ»а, не подавали признаков жизни.

Понятно, что засада – именно на Ивана. Но почему нет града пуль? Лишь трещит горящая машина.

Не переставая внимательно оглядывать горные склоны, мы быстро разрывали перевязочные пакеты. Ивану осколками раздробило правую ступню, а мне срезало палец на левой руке.

Перевязаться мы не успели. Рядом с моим носом камень раскрошила снайперская пуля. У Ивана – та же песня! Били прицельно, сразу с двух сторон узкого ущелья.

– Странно! Почему не попадают? – крикнул я. – Мы – как в тире!

– Живыми брать будут! – ответил Иван, перетягивая жгутом ногу. – Значит, выберемся! Давай сюда! Рука твоя в крови!

Но тут же, многократно отраженное горным эхом, раздалось просительно-мяукающее:

– Ваня! Доганым («брат»)! Сдавайся! Ты наш гость! Бросай автомат! На дорога иди!

– Смотри! По-русски как шпарит! – удивился я. И тут же получил пулю – в ногу, выше колена.

Схватив меня за здоровую руку, Иван бросился в сторону, за чахлый куст. Внизу, совсем рядом, начиналась крутая осыпь.

Мы ринулись вниз. Пока стремительно скользили в густой пыли, по нам открыли огонь «духи», засевшие где-то поблизости. Но стреляли, похоже, беспокояще, выжидая окончания спуска «шурави».

А внизу было спасение, хоть и временное! Осыпь притащила нас на скальный выступ, козырьком выступавший вперед.

Козырек был изрезан рещелинами, в которых можно было укрыться. И даже заползти под сам выступ.

От большой потери крови, жары и напряжения у меня кружилась голова. Иван, несмотря на серьезное ранение, открыл по возникающим сверху фигуркам огонь. Заставив их спрятаться, он быстро перевязал мне кисть руки. Рану ноги пришлось пока оставить.

– Давай вниз! Там пещера! – прошептал Иван. – Качай энергию! Качай! А теперь – вниз! Я держу!

Отстегнув от автомата ремень, он лег на кромку обрыва, помогая мне медленно спускаться вниз.

Уцепившись здоровой рукой за ствол автомата, морщась от боли, я нащупывал точку опоры.

– Есть пещера! – воскликнул я, став на узенький, но устойчивый выступ скалы. Быстро глянул. Совсем рядом темнел узкий лаз. А внизу, чуть в стороне, бушевал огромный водопад.

«Вот оно, спасение!» – думал я, подставляя здоровую руку под каблук начавшего спуск друга.

– Ниже уходим! Здесь опасно! – прошипел Дорохов, когда спустился к пещерке. – Теперь я полезу. Мне легче. Чтоб на спуске тебя держать. Я ж толще тебя! Я пошел! Держи!

Иван, осторожно нащупывая опору на почти отвесной скале, полез туда, где темнела узкая щель. Я держал его, вцепившись правой рукой в ремень автомата.левой, раненой, я ухватился за каменный выступ. Кровь сочилась сквозь бинт. Сильная боль пульсировала в оторванном пальце. Но я. матерясь про себя, держал друга!

И вдруг – резкий рывок! Я чуть не соскользнул в бездну! Это Иван неудачно наступил на предательски скользкий камень. И сорвался вниз!

Но страховка, хоть и примитивная, спасла его. Он держался за ремень и ногами пытался найти опору. И не мог.

Я удерживал друга, вжимаясь в скальную полку. Но медленно и верно скользил к обрыву. Рыча и матерясь, я тщетно хватался искореженной и мокрой от крови рукой за глыбу известняка.

Еще чуть-чуть, и мы вместе рухнем вниз. Прямо в ревуший водопад!

Ивану хватило доли секунды, чтобы принять решение.

– За меня... не бойся! – прохрипел он. И выпустил из рук автомат.

Дальнейшее я не помнил. На второй день меня нашли в пещере пограничники развед-поисковой группы.

Потом был госпиталь. И страшный психический срыв из-за самообвинения в гибели друга. И седина, неожиданно побелившая голову.

А Ивана найти так и не смогли. Да и поисковую операцию, выполняя приказ свыше, свернули очень уж рано.

А потом у пуштунов в Афганистане появился какой-то сверхзасекреченный инструктор с голубыми глазами. Наверное, американец. Благодаря его работе пуштуны потеснили дустумовцев по всем фронтам.

«Может, это Иван?» – думал я. И готовился «самоходом» перебраться в Афган и проверить это. Но сразу после госпиталя меня неожиданно перевели сюда, на Кавказ.

глава 4

Полковник «в законе»

Старгопольский гарнизонный военный суд в пятый раз откладывал заседание. Очень уж трудной оказалась задача.

Майор Винокуров требовал от командования положенного по закону жилья. В Москве. Командование, в лице начальника военного училища, упиралось рогами и зубами. И не давало жилья. Пришлось майору искать защиты в суде.

Ну а судья никак не мог решить сложнейшую задачу – в чью же пользу вынести решение. В пользу обычного майора? Или генерал-майора, командира части?

Трудность состояла в том, что майора защищал закон, а командира части – высокая должность и звание.

Вот и откладывал судья заседания. Надеюсь, что майору все надоест. И продолжит он свое многолетнее житие в гнилой общажной комнатухе-клетушке.

Но майор оказался настырным. Видя попытку заволокитить дело, Винокуров вышел на Уполномоченного по правам человека в Ставропольском крае Алексея Селюкова.

Меня, как помощника Омбудсмена по военным вопросам, и отрядили в помощь настырному майору.

Очень интересно было вникать в хитросплетения военно-судейской системы. Благо, судья Мкртчян не препятствовал. Лишь спрашивал, кто я такой. И в каком качестве присутствую.

Я был краток:

– Слушатель. Просто слушатель.

Судья немного морщился, но ничего не говорил. Заседание-то открытое.

Но однажды что-то пошло не так.

После заседания суда мы с майором стояли на крыльце военсуда. Мирно обсуждали действия Мкртчяна, никого не трогали.

Дверь лязгнула, и худенький солдат высунул нос:

– Товарищ подполковник! Вас просит зайти председатель суда полковник юстиции Пигункин.

– Да? А что случилось?

– Не знаю. Мне приказано позвать.

Под конвоем солдата я подошел к самой большой и красивой двери военсуда. Золотая табличка уведомляла, что здесь базируется предводитель суда Феодор Пигункин. А секретарем у него – ефрейтор Алена Авдейкина.

Солдат приставил ухо к двери:

– Подождите минутку! Там секретарь суда.

Не успел он договорить, как дверь бесшумно распахнулась. И появилась та самая секретарь – высокая худая дамочка с крупными, навывкате, губами. В руках она держала поднос с пустыми бокалами.

– Заходите! – приказала она. И поплыла по коридору, качая удобными бедрами.

Худые бедра были одеты в короткую мини-юбку. Сзади красовался след от жирной пятерни.

«Чем это предводитель суда занимается?» – подумал я, заходя в кабинет. И сразу анекдот вспомнился:

«Чем отличается хорошая секретарша от очень хорошей?»

– Хорошая каждое утро говорит: «Доброе утро, шеф». А очень хорошая нежно шепчет на ухо: «Уже утро, шеф»

Кабинет был пропитан густым запахом перегара. В мягком черном кресле сидел пухлый человек с круглым красным лицом. Своими маленькими поросычьими глазками он настороженно смотрел в экран монитора. Видеокамеры, натканные по всем углам суда, передавали картинку именно сюда.

Я удивился: «Это и есть предводитель военно-судейской конторы? Странно! Где его полковничьи погоны, где военная форма?» Предводитель суда был одет в «ковбойскую джинсу».

Но признаки того, что Феодор Михайлович именно полковник, были налицо: подмышкой, из кобуры, торчала рукоять 45-дюймового «Кольта». Кроме того, из-за спины судьи ненавязчиво выглядывал ствол охотничьего карабина «Сайга».

На стене кабинета красовалась большая картина. Тема – покорение индейских племен и завоевание Америки. В центре картины, крупным планом, шериф с винчестером в руке. Перед ним – индеец на коленях, которого держат двое бледнолицых. У шерифа – две винтовки: одна в руке, вторая за спиной. Грудь его перепоясывают, на манер революционного матроса, пулеметные ленты.

А это что? Лицо шерифа кого-то напоминает.

Я перевел взгляд на председателя суда:

«Так это ж – его высочество Пигункин!»

Предводитель команчей был явно доволен произведенным эффектом. Вкрадчиво-ласково он пропел:

– Сударь! Какие проблемы у вас ко мне возникли?

Вопрос поставил меня в тупик. Предводителя военного суда я никогда ранее не видел. И знать на знал. Ну и личного приема не запрашивал.

«Как тогда понять вопрос Феодора Михайловича, который совсем не Достоевский?» – подумал я. – «И как понять смысл его вопроса? „Какие проблемы у вас ко мне возникли“. Как-то несуразно!»

Подозревая что-то неладное, я вежливо ответил, чтобы не провоцировать «шерифа»:

– К Вам у меня проблемы не возникли.

– А че это вы тут ходите, вынюхиваете?

– А что, есть что вынюхивать?

– Ма-а-а-лчать я сказал! – взревел вдруг Пигункин. – Ваша непотребная болтовня в газетной прессе! Я работаю, а вы занимаетесь непонятно чем!

– Ваше высокоблагородие! Ваше имя в прессе я никогда не упоминал. О Ваших судебных решениях даже не знаю.

– Вы написали гнусный пасквиль на мою родственницу! Непорочную и красивую женщину! Написали?

– Это о ком речь?

– Судья Романина! Зачем, бл..дь, обидел красивую женщину?!

– А! Понятно! Так она вынесла заведомо неправосудное решение! В статье все четко сказано, с подтверждением фактов!

– Ты что?! Совсем, бл..дь, того?! – заорал Пигункин.

– Чего «того»? Хотите, про Вас напишу!

Пигункин расхохотался:

– Па-а-пробуй только напиши!

С этими словами он вышел из-за стола:

– Вот тебе!

Сняв штаны, он обернулся и показал свой голый прыщавый зад:

– Понял меня?!

Надев штаны, Пигункин повысил голос:

– Слушай мою команду! Еще раз зайдешь в мой суд, тебя, бл..дь, вышвырнут с крыльца!

Я понял, что надо парировать хамское высказывание. Но так, чтобы не переходить на личности:

– Ваше высокоблагородие! Как понять? Меня выгонят с открытого судебного заседания? На основании какого нормативного правового акта это сделают?

– Ты что, самый умный? Будешь учить меня, председателя суда, кандидата юридических наук?

– Учить не буду. Но все юристы Ставрополя однозначно говорят о свободе присутствия на судебных заседаниях!

– Ты мне хамишь?! Я здесь – закон! Я – лучший юрист Ставрополя! Я – полковник юстиции! Я лучше всех знаю законы! Понял, бл..дь?!

– Нет, не понял. Для запрета должны быть основания!

– Тебе основания нужны?! Самый умный, что ль?! Запрет – это моё лично-субъективное мнение. Выгоню, и все! Это мой суд! Понял? Мой суд! А ты, возможно, будешь мешать судопроизводству!

– Чем именно мешать?

– Хотя б своим присутствием! Ты пришёл, я растерялась! Пигунин заржал, как мерин на его картине:

– Аг – ха – ха – ха! У-у-уг -ха-ха-ха!

Я опять задумался. Как бы так ответить этому откровенному хаму, не называя по имени?

– Если кто-то выгонит из зала заседания, будет привлечен к ответственности!

Полковник поперхнулся и прервал ржание. Поросячьи глазки округлились, превратились в собачьи. Он недоуменно и совершенно искренне, как-то даже по-детски спросил:

– Кто? Кто будет привлечен?

В глазах шерифа читалось явное непонимание. Ведь он – царь и бог. Он, и только он привлекает к ответственности. На какой угодно тюремный срок. Кого ж тогда привлекать к суду? Его самого, что ли?!

Пока Пигункин пытался сообразить, что такое ему щас сказали, я вспомнил слова песни. И невольно осмотрел углы кабинета – нет ли там икон. Перекошенных икон. Таких, как в «Чёрном доме» Владимира Высоцкого, где «образа в углу, и те перекошены». И где «затеялся смутный, чудной разговор»:

И припадочный малый, придурок и вор —

Мне тайком из-под скатерти нож показал.

Я подумал: «Нож мне не показали! И то спасибо!»

Феодор Михайлович в это время свел в своем мозгу «дебит с кредитом», и заорал:

– Ты, бл..дь, мне угрожаешь? Мне, полковнику юстиции?!

– Вы что? Совсем нет!

– Ты мне тюрьмой угрожаешь?

– Вас я вообще не упоминал! Я сказал про личность, которая нарушит закон и выгонит меня с открытого судебного заседания.

Лицо полковника юстиции побагровело. И без того маленькие глазки совсем исчезли в пухлых щеках.

Он вытянул руки перед собой, угрожающе двигая пальцами:

– Мои щупальца, бл..дь! Щас я тебя!

Он схватил из тарелки, стоящей на столе, соленый огурец. И швырнул в меня.

Такого финта я совсем не ожидал. Но годы тренировок позволили «на автомате» мгновенно отразить этот залп. Огурец был перехвачен.

Чтобы умиротворить разбушевавшуюся юстицию, я решил пошутить:

– Получай фашист гранату? Русиш партизанен? Куда можно бросить?

Предводитель суда сначала оцепенел. Но тут же вскочил и выдернул из-за спины карабин. Щелкнул предохранителем, передернул затвор:

– Рус партизан! Хенде хох! Руки вверх! Шнель! Шнель!

Тут я сообразил, что дело запахло керосином. Похоже, что полковник и впрямь собрался стрелять по русским партизанам.

Что делать?! Решил подыграть «дойче зольдату»:

– Герр оберштумбанфюрер! Партайгеноссе! Я – свой! Рус партизан здесь недалеко. Я помогу Вам найти их!

Пигункин опустил ружье:

– Яволь! Рус партизан – расстрел!

С этими словами полковник нащупал под столом какую-то кнопку:

– Вызываю охрану!

Настольная лампа на столе вдруг замигала и стала медленно подниматься. Откуда-то снизу вылез, как баллистическая ракета из шахты, шкафчик с бутылками коньяка.

– Яволь! Ошибка!

Пигункин пошарил под столом, нажал другую кнопку.

Я даже заволновался: «Спецназ залетит сейчас!

Дверь резко распахнулась. И залетел тот самый худенький солдатик:

– Рядовой Коржиков по Вашему приказанию...

Договорить Коржиков не успел. Пигунин навел на него ствол:

– Хенде хох! Цурюк! Ты кто есть? Рус партизан?!

Я понял, что полковник обязательно выстрелит в партизана. Надо спасать! Я резко метнул огурец, целясь в лоб стрелка.

Выстрел! Пуля прошибла дыру прямо над головой бедолаги Коржикова. Он присел и закричал, обращаясь ко мне:

– Бегите! Он всегда стреляет!

Мы метнулись в коридор. Затем – к выходу. Слышали, как щелкали замки во всех дверях. Судьи, похоже, привыкли к таким пострелушкам!

Высочив на улицу, мы залегли за бетонным блоком. К нам присоединились адвокаты, стоявшие на крыльце.

– Пигункин опять стреляет? – спросил один из них. – Достреляется когда-нибудь!

– Давайте ментов позовем! Вон их машина стоит! – показал другой на ГАИшный автомобиль, стоявший неподалеку. – Это они к Пигункину приехали. Он ездил ночью пьяным, сшибал все клумбы с цветами. И орал гаишникам, что он – главный судья Старгопольского края. Орал-орал, и уснул в машине. Протокол менты все ж составили!

– Пигунков – очень опасен! – согласился первый адвокат. – Недавно он так напился, что обещал всех взорвать. Во дворе дома орал!

– Не! Ментов не надо! – попросил Коржиков. – Сейчас приедет «Скорая помощь» из военной поликлиники. Уже вызвали. Они совсем рядом тут. Полковник Пигункин их слушается!

Солдат хотел что-то добавить. Но его перебил звук выстрела. Сразу – второй. Третий!

– Где это?

Коржиков улыбнулся:

– Это с другой стороны суда. Во внутреннем дворе многоэтажки. Туда запасной ход суда выходит. Вон, смотрите, «Скорая» туда поехала! Побежали, посмотрим!

Мы покинули укрытие и ринулись во внутренний двор.

Оттуда уже слышался грозный рев Пигункина:

– Рус партизан! Хенде хох! Выходи!

Следом – выстрелы.

Военный «УАЗ – буханка» заехал внутрь двора. Вышел доктор в белом халате. Обращаясь в Пигункину, громко и спокойно сказал:

– Герр оберст! Ахтунг! Русиш партизанен мы взяли в плен! Они в «УАЗике! Гер оберст! Заходите, допрос будете делать партизанам!

Подействовало! Сначала из двери черного хода высунулась красная морда полковника. Следом пролез и сам Пигункин. Он забросил карабин за спину и пошел было к машине. Но остановился. И, расстегнув ширинку брюк, неожиданно стал мочиться на клумбу с цветами. Удовлетворенно крякнув, пошел к машине.

глава 5

ЗАКОЛДОВАННАЯ ОБЩАГА

Из военного суда я поехал в штаб пограничного округа, чтобы доложить в Москву о стрельбе «шерифа» – полковника. Ведь Ливанкин из пресслужбы вместо меня доложит. Да еще приврет с три короба!

Звонить не пришлось. В штабе меня дожидался полковник Мирохин, офицер концерна «Граница». С ним мы знакомы еще по службе в Туркмении.

– Саламвалейкум, Петро! – поздоровался он. – Опять на тебя жалоба! Теперь уже Директору погранслужбы! Я напросился ехать.

Полковник с подозрением посмотрел на меня:

– А ты меня не заколдуешь?

– Странный вопрос! А что, конторе колдуны нужны?

– Ладно, потом объясню. Пойдем в общагу. Жалобу разбирать.

Я удивился:

– Странно! Командующий округа не высказывал претензий! Откуда жалоба?

Мирохин улыбнулся:

– Потрясающая жалоба! Всем жалобам жалоба! В жизни не видал такого чуда-юда! Написала комендант вашей общаги, а жильцы подписали. Сейчас она подойдет. Поедем разбираться.

Комендант Галина Омеленко, толстуха пенсионного возраста, тут же и явилась:

– Вот он! Хам, мерзавец! Уволить его надо!

С такими же причитаниями она привезла нас к шикарному крыльцу старенькой пятиэтажки. Первый этаж мигал разноцветными неоновыми огнями. Мы вышли.

– Ого! Красиво живете! – восхитился Мирохин.

– Мы – пограничники! – гордо подтвердила Омеленко и повела нас за собой – через просторный холл на второй этаж, а затем по запасному выходу – на третий.

Там и был ее кабинет. Дубовый стол, шикарное белое кресло, шкафы и шкафчики из карельской березы. В одном углу стоял огромный флаг России. В другом – двухметроворостая икона с изображением президента РФ товарища Путина.

Комендантша истово перекрестилась, глядя на икону, и прошептала:

– Владимир, благослови! Спаси и сохрани!

Затем она уселась в кресло, язвительно ухмыльнулась:

– Ну что, Ильин? Попался?!

Я вежливо спросил:

– Галина Ивановна! Что ж не предупредили о своей жалобе? О чем хоть речь?

Комендантша продолжала ядовито ухмыляться.

– Можно ознакомиться с жалобой? Чтобы понять, в чем обвиняют! – обратился он к московскому гостю.

Мирохин достал из портфеля бумагу:

– Да, конечно! Имеешь право!

Начав читать, я тут же остановился. Удивленно глянул на Мирохина:

– Это что? Шутка такая?

Комендантша резко взвизгнула:

– Опять он меня оскорбляет! Вот видите, товарищ полковник?! Он всегда нас оскорбляет!

Хмыкнув, я начал читать вслух. С выражением, делая акцент на явных орфографических ошибках:

«Ильин нас всех закалдалвал. Кроме таво, пастаяно осуществляет напатки на женщин и детей, ваюет с ними. А нас тироризирует! Действует на психику всех. Собатировал перепись насилениа».

Я поднял глаза:

– Так и написано – «собатировал». Наверное, от слова «собака»! А слово «тироризирует» – от слова «стрелковый тир»!

Комендатша молчала. И я продолжил:

«Абзывает людей, дерзит и всячески хамит им. Приводит в общижитии бомжей, начующих в канализации, под видом своих друзей, а так же желтую пресу».

Бросив цитировать, я удивленно посмотрел на коменду:

– Вы моих друзей называете БОМЖами? И утверждаете, что мои друзья живут в канализации?

Комендантша победно посмотрела на Мирохина:

– Видите, опять хамит!

Я опять принялся за шедевр:

«Он плюёт в раковины, моет там медицинские шприцы. Ганяится за всеми с тем самым фотоапаратом и дектофоном. Обещает всех убить. На службу и работу ни ходит. Пастаяно акалчивается в общижитии. Жильцы не знают, чем он занимается».

Надоев изучать странные иероглифы, я поднял глаза на комендантшу:

– Так в чем обвинение? С фотоапаратом хожу? И что? Все ходят. В чем криминал?

– В том, что мы не знаем, чем ты занимаешься! – визгливо уточнила коменда. – Ты нигде не работаешь!

– Позвольте, сударыня! Вы и не должны знать о моей военной службе!

Комендантша возмущенно посмотрела на Мирохина:

– Товарищ полковник! Он сует свой нос не в свои дела! Мешает нам работать!

– Так вот оно что! – сообразил я. – Вам не нравятся мои вопросы относительно общаги? Про фиктивные ремонты, которые по документам якобы каждый месяц делали? И где деньги, собираемые с жильцов? Эти вопросы вам не нравятся?

– Да, эти! Не твое собачье дело! Мешаешь нам работать!

– Работать? Но Вы-то тут причем? Вопросы я направлял не Вам, а начальнику тыла и начальнику финансового отдела округа! Не Вам, а целому генералу Федькину! И начфину Яковкину! Какая связь между Вами и полковником Яковкиным?

– Как это какая? – удивилась коменда. – Самая прямая!

– Извините. То, что Ваша дочь, прапорщица, ездит с начфином в командировки, еще ничего не значит. Или связь есть?

Комендантша побелела от злости:

– Он опять меня оскорбляет! Товарищ полковник, арестуйте его!

– Извините! Вы сами всем рассказываете о совместных с начфином командировках Вашей дочери! Это правда?

– Рассказываю! Но не тебе! Подслушал?!

– Ага! И подсмотрел! Что тут подсматривать и подслушивать? Все факты нарушений налицо!

Я посмотрел на Мирохина:

– Пойдемте, сами все увидите!

Мы зашли в душевую. С потолка свисали лохмотья черной осклизлой плесени. Из ржавых кранов на разбитую кафельную плитку текла вода. Мирохин брезгливо потрогал рыжий кран.

– По документам здесь пять раз делали ремонт! – пояснил я. – И где ремонт? Где деньги и стройматериалы? Лично я видел, как солдаты принесли позолоченные краны. Где это золото?

– Какое золото?! – завизжала комендатша.

Мирохин решил сгладить ситуацию, и пошутил:

– Наверное, золотые краны Галина Ивановна себе домой унесла. Ха-ха!

Я удивленно глянул на Мирохина. Чекисты погранокруга шепнули мне, что позолоченные краны «ушли» именно к Омеленко.

Комендантша аж позеленела от злости:

– Кто Вам сказал? Ильин? Да он все брешет! Брешет как собака! Да, есть у меня такие краны, позолоченные. Но они давно стоят! Вот бряхло!

Посмотрев на нее, я торжествующе произнес:

– Великий Туркменбаши в книге «Рухнама» указал на заповеди пророка. Пятая заповедь сурово предупреждает об ответственности перед небом: «Не берите чужого и не приносите его в дом, не записывайте чужого на свой счет».

– Вот! Опять меня пугает! Арестуйте его!

Мирохин не оставил попыток сгладить конфликт. Он постучал кулаком по каменной стенке, наполовину замуравившей душевые кабинки:

– А это что? Как сюда пролезать-то?

– Вот – подтверждение наших слов! – с гордостью сказала комендантша. – Солдат пришел ремонт делать, а Ильин его заколдовал. Построил стену не там! Ильин – страшный колдун!

Меня вдруг осенило:

– Так вот почему вы насыпаете около моей двери белый порошок! Бойтесь колдунов? Моей жене надоело собирать этот порошок! Может, и детские колготки моего ребенка в сушилке тоже вы узлами связываете? Может, это вы колдуете?

– Вот видите, товарищ полковник! Он сам признался в колдовстве! А еще он всегда нам угрожает. И убить всех обещает! Срочно арестуйте его!

Мирохин покосился на меня: «Чем дальше в лес, тем больше дров».

Он, похоже, зримо представил меня, обросшего недельной рыжей щетиной, перепоясанного звериной шкурой, со здоровенной суковатой дубиной в мощных лапах. Как с пещерным рёвом я мчусь по узенькому общажному коридорчику, ища очередную жертву для кровавой трапезы. Ну а бледные жильцы, трясаясь от жуткого страха, запершись в каморках, молятся в предчувствии близкого конца.

Мирохин решил поддержать беззащитную комендантшу:

– Да уж! Совсем одичал Ильин! Прямо «Дикий помещик» Салтыкова-Щедрина! Как Вы там написали? Моет ботинки в кухонной раковине!

– Да, каждый день моет! Рядом с ним женщины моют посуду, а он ноги засовывает, и моет грязные сапоги!

– Так – так – так! Проверим! А еще Вы писали о каких-то «медицинских» шприцах. Что за шприцы?

– Да, медицинские! Наверное, для колдовства!

– Да уж! Мы с Ильином служили в Туркмении. Он там тоже куролесил, лечил местных туркмен бесконтактным способом. И лозоходство изучал. Туркмены говорили, реально помогает Ильин.

– Точно колдун! – округлила глаза коменда.

Я хмыкнул:

– Товарищ полковник! Она специально уводит в сторону разговор. Пусть ответит по существу хотя бы на один вопрос: почему оплата в этой гнилой общаге больше, чем в трехкомнатной квартире? Ведь в общаге, например, Новороссийского погранотряда, оплата микроскопическая. И плесени у них нет. А здесь что? Откуда такие бешеные расценки?

Мирохин вопросительно посмотрел на коменду.

Она молчала. Тогда я спросил:

– Общага – на балансе погранокруга? В оперативном управлении? Это – специализированный жилищный фонд?

– Да! Ну и что?!

– А то! Государство выделяет деньги на эксплуатацию спецжилфонда, находящегося на балансе воинской части. Где эти деньги? Ваш начфин куда их деваает? Почему пограничников заставляют, из своего кармана, оплачивать то, на что уже выделены бюджетные средства?

Я обратился к Мирохину:

– Я лично видел договоры на поставки воинской части коммунальных услуг. И там черным по белому записано, что расчеты осуществляются за счет средств федерального бюджета. Причем расчеты – не за отдельную общагу, а за все объекты воинской части сразу – и казармы, и общагу, и жилые дома, и штаб. Вывод: жильцы вообще ничего и не должны платить! Государство уже оплатило и коммуналку, и зарплату всему раздутому штату! Если бюджет прислал деньги, то вопрос: зачем и куда собирают деньги с жильцов? Это – повторный грабеж?

Комендантша аж взвизгнула:

– Не твое дело! Нос сует!

– Не мое дело? Может это «левые» деньги, нигде не учтенные? Может, жильцы оплачивают здесь всех Ваших родственников? Почему Ваш муж, прапорщик в отставке, устроен здесь слесарем, сантехником и сторожем одновременно? Почему Ваша дочь устроена на трех должностях?

Комендантша вдруг взревела пароходной сиреной, заставив плесень на потолке колыхаться:

– Он опять нам угрожает!

Мирохин вздрогнул от неожиданности. Плесень шлепнулась на его благородную голову. Он поморщился и предложил вернуться в кабинет Омеленко. Там обратился ко мне:

– Ильин, мы читали твою статью. Действительно странно. В Москве за свою квартиру я плачу меньше. А у вас – бывшее студенческое общежитие, коридорного типа. Странно. Я сейчас поеду в штаб округа, там эти вопросы задам.

– И главный вопрос задайте, на который мне не хотят отвечать. Эти два этажа общаги были куплены пограничным округом за огромные деньги. Сотни миллионов! Я лично видел договоры купли-продажи. Но силовая структура не имеет права покупать недвижимость! Все объекты государство передает только в оперативное управление. Как тогда могли купить? Вот загадка!

Комендантша при этих словах злобно прищурилась. В ее глазах мелькнул зловещий вельзевуловский огонь. Но Мирохин этого не заметил. Он смотрел на часы:

– Ильин, поехали в штаб. «УАЗик» ждет внизу, у входа.

В машине Мирохин по-отечески похлопал меня по плечу:

– Колдун! Что будем делать? В жалобе много странностей. Особенно настораживает полная безграмотность. Это странно. Комендантше простительно. Она без образования, муж был прапорщик. Но остальные двадцать подписантов почему безграмотные? Они же служат в погранвойсках! Неужели такие кадры у вас тут?

– Не могу знать! Дело не в этом. Комендантша лично заинтересована, чтобы я не проводил расследование. Сама же говорила, что связана с начфином. Непонятно поведение жильцов общаги. Заинтересованы ведь, чтобы я помог условия улучшить, цены грабительские снизить. А они кляузоны подмахивают!

Мирохин почесал подбородок:

– Давай так. Я напишу, что дело рассматривается в суде. Мол, ты подал в суд. На опровержение. А ты реально подавай. Пускай комендантша доказывает свои обвинения. Но если докажет, что ты колдун, тогда извини! Придется тебя раскулачивать. Не поможет тебе колдовство!

Я лукаво улыбнулся и достал из портфеля лист бумаги:

– Вот, посмотрите, как впечатлило моего брата-иконописца посещение нашей общаги.

На рисунке была изображена оплывшая безобразная жаба, строчащая донос. Вокруг неё скопилась всякая нечисть – змеи, крысы, свиньи, ослы. Все они застыли с ужасными гримасами на отвратительных мордах. И веяло от них таким жутким холодом, что Мирохин невольно вздрогнул:

– Ты что! Подразумеваешь под этими тварями население общежития?

– Конечно же, нет. Но реалии общаги намного интереснее. И просто непредсказуемы. Вам будет очень любопытно там побывать инкогнито. И Вы подсмотрите такие сюжетищи, пред которыми блекнут и «Дикий помещик», и «Воронья слободка», и даже «Вий».

Мирохин поначалу не соглашался втравить себя в эдакую несерьёзную авантюрку. Несolidно как-то. Но любопытство взяло верх.

План действий был таков. Моя комнатуха временно пустовала, так как жена с сыном лежала в больнице, а меня с дочкой временно приютил друг. В общажную конуру и должен был прибыть Мирохин. Под видом коллеги. Естественно, в военной форме, при полковничьих погонах.

Облупленную четырёхэтажку, куда нас днем привозила комендатша, в темноте отыскать было нетрудно. Фасад её, украшенный громадным мраморным крыльцом, светился и мигал разноцветными манящими огнями. Здесь базировалось и солидное министерство, и шикарное казино, и пышногрудая сауна.

Все эти скромные заведения ютились в подвале, а также на первых двух этажах. А погранцы шикавали на двух верхних.

– Крыльцо это – не про нашу честь! – объявил я. И повел гостя вокруг здания. – Там, с черного хода, и заходят люди второго сорта, то есть погранцы.

Мы прошли между множества вонючих мусорных баков, отбиваясь от прыгающих из них котов. Отмахнулись от бродячих собак и БОМЖей. Прошли мимо мрачных могильных склепов.

Показав на склепы, белеющие в мглистом таинственном лунном свете, я пояснил:

– Здесь до революции было Варварьинское кладбище. Мы все тут ходим на костях и черепам! Гарабасма! Ужас!

Поднявшись по неосвещенной, выщербленной пожарной лестнице, я напутствовал гостя:

– Сейчас зайдёте в коридор, наткнётесь на дубину. Не пугайтесь! Это прибитый к потолку пограничный столб. Рядом с ним – новогодняя облезлая ёлка. Опять же присобаченная к потолку. Это всё – нововведения комендантши. Ну а остальное увидите сами.

– Не понял! А днем мы как заходили? Не было столба!

– Специально для Вас коменда открыла вход через министерство! Чтоб не пугать Вас плесенью и елками на потолке!

В смутных сомнениях и неясных предчувствиях («а не сбежать ли, пока не поздно, в самую захудалую гостиницу») переступил полковник Мирохин скрипучую общажную дверь, ведущую в мрачный неосвещённый коридор. И тут же задел головой столб, прибитый к потолку. А потом задел и елку, о которой я предупредил.

Как истинный интеллигент, он хотел испросить разрешения на своё прибытие у кого-либо из администрации. Но его настойчивый стук в стеклянное окно, прорубленное в двери с табличкой «Вахта», действия не возымел.

Лежащие внутри, на старорежимном диване, три престарелые тётки были оглушены дико орущим телевизором, а потому на посторонние звуки не реагировали. Они лишь чему-то ухмылялись и периодически поводили окулярами мощных очков. При этом жир на их телесах, подбородках и шеях трясся наподобие студня.

Приглядевшись внимательнее, в одной из них Мирохин угадал саму комендантшу Омеленко, мастерски изображенную на шарже Ильина: оплывшие формы, здоровенные помятые

остатки пышных когда-то грудей, ужасно дряблая пергаментная кожа, застывшая гримаса презрения на большеротой жабьей физиономии.

Гонимый любопытством, Мирохин решил сразу же, не заходя в комнату, проверить реальность того, что с таким негодованием я ему «нарисовал».

И действительно, дойдя до конца коридора, он наткнулся на столб, от которого шёл забор из колючей проволоки. Забор этот разделял узкий проход на две равные части.

Один «фарватер» вёл к фанерной перегородке, возведённой, как знал уже Мирохин, подполковником-кадровиком Саломахиным по секретному договору с начальником тыла округа.

Саломахин в общем-то мог занять и пустующие комнаты. Но его боевая подруга Аллочка была стратегом. И строго приказала: «застолбить» угол коридора, а затем уж прихватывать и другую, комнатную жилплощадь. А чтоб соседу-майору не вздумалось близко даже приближаться к их законному метражу, решено было возвести забор из колючей проволоки.

Обиженный майор Серебрянский в отместку обмотал «колючкой» вход в один из общественных туалетов, набил вокруг острых гвоздей, провёл электроток и навесил табличку с черепом, костями и надписью: «Частная собственность! Не входить – убьёт!»

«Я сошла с ума, я сошла с ума, я сошла с ума!..» – завелся вдруг динамик, подвешенный под потолком, известной и очень надоедливой «психической» песней.

Из-за двери ближайшей комнаты послышался истеричный женский визг:

– Кобель драный! Только трахаться и жрать приходишь! Очнувшись от небольшого ступора, Мирохин зашёл в общую кухню. Чтоб убедиться в правдивости моих слов о том, что якобы электророзетка расположена под самым потолком, и ток туда поступает лишь из кабинета комендантши.

Кухня заставила полыхнуть щёки полковника. На подоконнике сидела, широко раскрыв ноги, длинноногая особа, и сладострастно охала. Ей в промежность уткнулась здоровенная собака, еле сдерживаемая огромной обрюзглой тёткой.

На всё это дело с разинутым ртом смотрела худая молодуха, стоящая в позе цапли – одну мосластую ногу она подтянула себе под самый пах. В руке ее дымилась папироска, а грудь разрывал чахоточный кашель.

Она-то первой и заметила неожиданного гостя, резко заверещав:

– Полковник, пшёл вон отсюда!

– А, полкан! Подсматривать вздумал?! – грубым мужским басом вторила ей «человек-гора», держащая овчарку. И когда полковник смущённо замер, громыхнула трёхэтажным матом, завершённым так:

– Пень глухой! Интеллигентшишка поганый! На х.. тебя пошлём, и ничего нам не будет!

От такого невиданного, неожиданного, необузданного хамства кровь ударила полковнику в голову. Резко развернувшись, он бросился в мою комнату. Там он включил радиоприемник, нашел спокойную музыку. И как-то незаметно задремал.

Сквозь дрему услышал трубный глас где-то за дверью:

– Внимание! Построение на ужин! Явка строго обязательна!

Полковник повернулся на другой бок, улыбнулся:

– Какие построения, какой ужин? Это ж семейная общага! Дремоту развеял сильный удар в дверь. В ней открылось маленькое смотровое окошко, напоминающее тюремное. Оттуда выглянула, подсвечиваемая светом из комнаты, очкастая рожа комендантши Омеленко.

Эту жутковатую физиономию тут же, при виде полковника, исказила язвительная гримаса. И раздался визгливый голос:

– Ага, бл..дь, попался! Ещё один бомж вместо Ильина! Щас, бл..дина, мы с тобой разберёмся!

С этими словами комендантша просунула в окошко дряблую лапу и открыла, к вящему изумлению москвича, дверь конуры.

Ещё больше он поразился, когда эта странная мадама оказалась на пороге. То, что здоровенная золотая цепь с настоящей лошадиной подковой обвивала её морщинистую шею, не особо шокировало.

А вот короткие широкие шорты ядовито-красного цвета, надетые на рыже-волосатые ноги, напоминающие свиные окорока, шокировали наповал. И всё это мухоморное безобразие сверху венчало нечто бесформенное, затянутое камуфлированной майкой с надписью «Федеральная пограничная служба».

Ну и, конечно же, на объёмистых грудях героини сверкали сразу три солдатских знака «Отличник погранслужбы» I, II, и III степени. Эти знаки комендантша автоматически потирала жабьей ладошкой, обтянутой дряблой кожей с огромными перламутровыми когтями.

Шокировало в комендантше и другое: огромный белый бант, запутавшийся в торчащих ёжиком сильно обесцвеченных коротких волосах. Одутловатость и синюшный цвет мумифицированного лица несколько маскировали здоровенные роговые очки с сильнейшими линзами.

Может быть, эти огромные глазищи навывкате, или же странный вид пионерки-пенсии, или её угрожающая поза, но что-то гипнотически подействовало на полковника, заставив его пробормотать нечто извинительно-просящее:

– Это ж я, полковник Мирохин.

Комендантша явно не узнавала его:

– Пациент! На выход! Следуй за мной! Не вздумай буянить. Соппротивление бесполезно, вы окружены.

Не совсем понимая её странных слов, но чувствуя некий комплекс вины за вторжение в чьи-то таинственные владения, седой полковник покорно поплёлся за торжественно урчащей «маман».

Комендантша провела полковника в свой кабинет, озаглавленный почему-то как «Главврач». Стояло там сразу два шикарных кожаных дивана, большие напольные часы, два телевизора «Сони» с видеоманитофонами, огромный, инкрустированный деревом стол, дорогостоящий шкафчик с хрустальной посудой. И в углу – огромная икона Владимира Путина.

«Странно! Днем всего этого не было! И Путин был какой-то другой, не этот!» – подумал Мирохин.

За столом сидела черная сутулая тетка и что-то писала. К ней и обратилась Омеленко:

– Мариночка! Допиши в жалобе, что к Ильину опять бомж пришел. Из желтой прессы.

Плюхнувшись на диван, хозяйка кабинета приступила к допросу: – Кто такой? Почему проник на секретный объект без моего разрешения?

– Разрешите заводить на ужин? – неожиданно перебили её из тёмного коридора. – Проверка произведена, все люди налицо.

– Заводите в столовую, я сейчас! – взвизгнула комендантша, не сводя глаз со стоящего посреди кабинета офицера. Очень ей жаждалось продолжения допроса. Но вновь произошла заминка.

На пороге явилось юное чудо лет восьми в плавках, лаптах на босу ногу, и с маской на голове:

– Разрешите понырять в душе?

– Лёшенька, лапусик! – сюсюкнула комендантша, обращая взор на ластоногое сокровище. – Ты сначала покушай, сил наберись, а потом ныряй сколько хочешь.

– Неужели у вас тут, в обыкновенном общежитии, бассейн есть? – не удержался от вопроса Мирохин. Помнил из моего рассказа, что здесь работает всего один душ. Да и тот опасен для жизни ввиду высоченного скользкого борта, из-за которого многие жильцы покалечились.

– У нас, к твоему сведению, лучшее общежитие в городе! – гордо провозгласила коменда, польщённая вниманием к достопримечательностям общаги. – Кроме огромного бассейна, здесь и конференц-зал, и парикмахерская, и зубной врач, и столовая с кухней и буфетом!

Перечисляя все это достояние, комендантша сладко прижмурилась и загибала свои жабы пальцы. А потом слезла с дивана и взяла Мирохина под локоток. Мгновенно забыв о своем допросе, она сказала:

– Ха-а-ароший ты парень! Не то что твой Ильин. Всё вынюхивает, чегой-то ищет, скандалит со мной. Пойдём, я тебя накормлю!

И она завела его в столовую, переделанную из двух комнат. Обстановка здесь была прямо противоположной кабинетному раю комендантши. Три длинных неоструганных стола покрывали замусоленные скатерти. Рядом виднелись такие же неотёсанные лавки, сбитые, по всей видимости, солдатами. Больше ничего не было.

Зато на стене красовался огромный рисунок русской красавицы, держащей в руках таз с пустотелым бревном, и свисающим плакатом: «Люблю я макароны!» А вместо лица красотики была наклеена физиономия самой комендантши.

– Накорми-ка нас, дочка! – важно обратилась она к толстому созданию в белом одеянии, стоящему над медленно жующими жильцами. И добавила, наклоняясь к своему гостю:

– Эт моя дочка! Красавица! Сейчас она прапорщик, но скоро будет лейтенантом. Она и здесь успевает, и в штабе. От неё балдеет главный начфин округа!

А здесь-то она кем? Шеф-поваром?

– Нет, поваром здесь мой муж, бывший прапорщик! – скромно потупилась комендантша. – А дочка – мой заместитель и финансист. Кроме того, она же – парикмахер, кондитер и зубной врач.

– Талантлива у Вас дочь! – посочувствовал Мирохин самым восторженным образом. Удивляясь про себя эдакой «многогранности», он решил назавтра попросить в отделе кадров штатное расписание такой невиданной общаги.

– Пожалуйста, кушайте! – подплыла к ним толстая комендантская дочка, снимая с грязного подноса две тарелки с макаронами и 4 стакана чая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.